

INSPIRIA

Руководство по раскрытию
собственного убийства

Опасная игра бабули

КРИСТЕН ПЕРРИН

INSPIRIA

Ток. Убийства и кексики. Душевные истории про убийства

Кристен Перрин

**Опасная игра бабули.
Руководство по раскрытию
собственного убийства**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Перрин К.

Опасная игра бабули. Руководство по раскрытию собственного убийства / К. Перрин — «Эксмо», 2024 — (Ток. Убийства и кексики. Душевные истории про убийства)

ISBN 978-5-04-208033-3

САМАЯ ОЖИДАЕМАЯ КНИГА 2024 ГОДА ПО ВЕРСИИ BARNES & NOBLE, GOODREADS, BOOKRIOT, BOOKBUB. МГНОВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР БРИТАНИИ, ФИНАЛИСТ КНИЖНОГО КЛУБА ДЖИММИ ФЭЛЛОНА, ВЫБОР GOOD MORNING AMERICA! ИГРА В РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВА ДЛЯ ФАНАТОВ «ДОСТАТЬ НОЖИ» И «КЛУБ УБИЙСТВ ПО ЧЕТВЕРГАМ». Чрезвычайно забавный детектив о женщине, пытавшейся всю свою жизнь предотвратить предсказанное ей убийство. И доказала свою правоту спустя шестьдесят лет, когда ее нашли убитой в собственном загородном поместье. Старая добрая Англия, 1965 год. Ярмарочная гадалка предсказывает шестнадцатилетней Фрэнсис Адамс ужасающее будущее: однажды девушку убьют... С тех пор всю свою жизнь та посвящает расследованию убийства, которое еще не произошло. Никто не принимал опасения Фрэнсис всерьез, пока, шестьдесят лет спустя, ее труп не находят в библиотеке. Наши дни. Энни Адамс приглашают в Грейвсдаун-холл — обширное загородное поместье ее эксцентричной двоюродной бабушки Фрэнсис. Но когда девушка прибывает в причудливую деревушку Касл-Нолл, старушка уже мертва. И по условиям завещания все ее огромное состояние, а также поместье, получит тот, кто раскроет это убийство. Расследование осложняется привычкой Фрэнсис собирать на всех компромат. Кажется, что у каждого милого и чудаковатого местного жителя имелся мотив убить ее. Вместе с другим наследником Энни оказывается втянута в крайне опасную игру. И чем ближе разгадка, тем больше опасений, что вместо Грейвсдаун-холла она унаследует печальную судьбу своей бабушки... «Причудливая деревушка на юго-западе Англии, женщина сыщик-любитель, обладающая детективными способностями Эркюля

Пуаро из романов Агаты Кристи, и эксцентричная убитая тетушка — все это объединяется в блестящем и мастерски написанном детективе. Для всех любителей загадочных убийств — это для вас! Не пропустите». — Лив Константин, автор мирового бестселлера «Последняя миссис Пэрриш» «"Руководство по раскрытию собственного убийства" — это мастер-класс по искусству разгадывания тайн. Кристен Перрин создала увлекательную головоломку из острой прозы, неотразимых персонажей и невероятно запутанного сюжета. Один из лучших и наиболее захватывающих детективов, которые я когда-либо читала». — Эль Косимано, автор остросюжетных романов про Финли Donovan «Начинающая писательница Кристен Перрин совершила невозможное, поведав читателям о типичном английском детективе с убийством со свежим, нетрадиционным подходом. Идиллическая деревушка? Есть. Сыщик-любитель? Есть. Мрачное предсказание гадалки сбывается спустя шестьдесят лет? Вот это уже становится захватывающей историей. Здесь нет недостатка в интересных, разносторонне развитых персонажах, и этот очаровательный и многогранный детективный роман станет прекрасным дополнением к любимыми читателями произведениям Агаты Кристи, Ричарда Османа и Ниты Проуз». — Сара Пеннер, автор мирового бестселлера «Тайная лавка ядов» «Возьмите плед и кружку чая "Английский завтрак" и приготовьтесь погрузиться в чтение восхитительной книги Кристен Перрин "Руководство по раскрытию собственного убийства". Перрин безупречно связывает сыщика-любителя Энни с группой эксцентричных персонажей, страшным предсказанием гадалки, тайной шестидесятилетней давности и загадочным убийством. В духе Агаты Кристи, и идеально для поклонников "Горничной" — это очаровательный детектив — мне понравилось!» — Карма Браун, автор международного бестселлера «Рецепт идеальной жены» «Мне понравилось: тепло, умно и безумно оригинально». — Элли Гриффитс, автор остросюжетных романов и обладатель премии Эдгара По «Этот дебют... объявляет о появлении нового яркого таланта на поприще уютных детективов. В первом детективе Перрин есть остроумие, стиль и напряжение, а также дерзкая главная героиня. Восхитительно освежающая история о заговорах и преданности, которыми окутана маленькая деревушка в Дорсете, где у каждого есть один-два скелета в шкафу». — Daily Mail «Выберите положительную превосходную степень и будьте уверены, что читатели будут ее использовать при описании этой истории. Поклонники Элис Белл, Дженис Халлетт и Агаты Кристи будут надеяться увидеть больше Перрин, которая отложила в сторону подростковые книги, чтобы дебютировать во взрослой литературе». — Booklist «"Руководство по раскрытию собственного убийства" — это захватывающее чтение с хитроумным сюжетом, в основе которого лежит прекрасная идея создать настоящую сокровищницу с историями... Перрин написала гениальную, проникновенную и совершенно захватывающую книгу. Если вы ищете

хорошую детективную историю, которая не даст вам заскучать до утра, то можете больше не искать». — The Nerd Daily «"Руководство по раскрытию собственного убийства" зацепило меня с самого начала и не отпускало до конца... Подсказки и ложные следы созданы блестяще... Эта книга доставила мне такое удовольствие, что я обнаружил себя за тем, чего давно не делал — беру ее с собой повсюду, чтобы прочитать еще одну-две странички. Это продуманный и тщательно проработанный роман, который можно смело рекомендовать». — Book Reporter «Темп повествования быстрый, много отвлекающих маневров, и прекрасно показано превращение Энн из робкой начинающей писательницы в уверенного в себе сыщика. Сочетая в себе элементы Агаты Кристи, Энтони Горовица и "Убийства в Мидсомере", — это увлекательный детективный роман многообещающего нового талантливого автора». — Publishers Weekly «Перрин с апломбом манипулирует персонажами и подсказками, зарисовывая прошлое с помощью дневников юной Фрэнсис и погружая читателей в настоящее с помощью точки зрения решительной, добросердечной Энни. Читатели будут болеть за нее, когда она обретет с таким трудом завоеванную уверенность в этом увлекательном исследовании семейных тайн». — BookPage «Полный загадок... Это безмятежный спокойный детектив, многие загадки которого находятся на грани между смехотворно простыми и запредельно сложными. Неофициальное название Касл-Нолл должно быть "гнездо гадюк". Как выразился Саксон, пронырливый мальчик-шпион, который вырос и стал коронером: "Мы все в чем-то виноваты"». — New York Times Book Review «Захватывающий, уютный детектив с таким количеством поворотов, что читатели вплоть до последней страницы будут менять свое мнение о том, кто это сделал и почему». — Shelf Awareness «В сюжете есть что-то захватывающее, тайна определенно вызывает интерес, а Перрин — талантливая писательница». — Christian Science Monitor

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-208033-3

© Перрин К., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Кристен Перрин

Опасная игра бабули. Руководство по раскрытию собственного убийства

Kristen Perrin

How to Solve Your Own Murder

© 2024 by Kristen Perrin

© Рокачевская Н., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Посвящается Тому

Сельская ярмарка в Касл-Нолле, 1965 год

– Я вижу в твоём будущем скелет, – мрачно изрекает мадам Пеони Лейн первую фразу предсказания, которое определит всю оставшуюся жизнь Фрэнсис Адамс.

В отличие от двух хихикающих над этим дурным спектаклем подружек, притихшая Фрэнсис не сводит глаз с сидящей перед ней женщины. Все здесь буквально кричит о голливудщине самого низкого пошиба, от украшающих шатер аляповатых занавесок из бусин до шелкового тюрбана Пеони Лейн. Самой Пеони Лейн не больше двадцати, хотя она добавляет к голосу хрипотцы в попытке выглядеть существом без возраста. Но получается не очень. Вообще-то получается настолько неуклюже, что почти никто не принимает ее всерьез. За исключением Фрэнсис.

Она впитывает каждое слово с религиозным рвением. И с каждым новым предсказанием ее лицо еще сильнее напрягается. Фрэнсис как горячая вода, почти доведенная до кипения – от нее всюду поднимается пар, но все-таки она пока не булькает.

Когда девушки выходят из темного шатра гадалки, Фрэнсис даже не моргает на ярком августовском солнце. Ее длинные распущенные волосы отливают красноватым золотом. Продавец яблок в карамели бросает на нее долгий взгляд, но она его не замечает. Она вообще ничего не замечает, после того как услышала мрачное предсказание.

Эмили берет Фрэнсис за левую руку, а Роуз за правую, и три девушки идут как венок из ромашек, пробираясь между лотками с антиквариатом и безделушками.

Они отворачиваются от мясника, продающего сосиски, но останавливаются, чтобы поглазеть на серебряные ожерелья, нагретые солнечными лучами. Эмили покупает изящную цепочку с подвеской в виде птички, хотя это всего лишь уловка, чтобы переключить внимание Фрэнсис. По словам Эмили, это хороший амулет.

Наконец Роуз все-таки говорит напрямик:

– Фрэнсис, выглядишь так, словно уже умерла. – Роуз пихает подругу локтем в попытке вернуть ее к жизни, но лицо той становится еще мрачнее. – Ты же понимаешь, что все это чушь? Никто не может предсказать будущее.

Эмили связывает длинные белокурые волосы лентой и застегивает на шее цепочку с птичкой. Подвеска вспыхивает крохотным эхом сияющих на солнце ножей на прилавке с охотничьими принадлежностями за спинами девушек. Фрэнсис в ужасе смотрит на цепочку.

– В чем дело? – спрашивает Эмили беспечным голосом, но с серьезным видом.

– Птица, – шепчет Фрэнсис и шурится. – Гадалка сказала: «Тебя предаст птица».

– Тогда у меня есть отличное решение, – заявляет Эмили. Она ныряет в толпу и возвращается через несколько минут. В ее ладони сверкают две серебряные цепочки с птичками. – Для тебя и Роуз, – хитро улыбается она. – Так ты никогда не узнаешь, какая птица тебя предаст.

Она, как свойственно ее натуре, простодушно и искренне смеется.

Фрэнсис в отчаянии смотрит на Роуз, надеясь на понимание, но та тоже смеется.

– Я правда считаю, что это отличная мысль. Возьми судьбу в свои руки!

В качестве демонстрации Роуз надевает цепочку.

Фрэнсис колеблется, но все-таки кладет цепочку в карман юбки.

– Я подумаю.

– Да ладно тебе, Фрэнсис, – фыркает Эмили. – Если будешь такой кислой, мне точно придется тебя убить.

В уголках ее глаз появляются морщинки, словно она вот-вот снова засмеется, и Эмили вновь сплетает руки с руками подруг.

– Может, вы обе уже перестанете делать вид, будто это было совершенно не страшно?

Фрэнсис выдергивает руки и резко останавливается. Она вытирает потные ладони о простую хлопковую юбку и скрещивает руки на груди. Из кармана юбки торчит треугольник мини-атюрного блокнота, а на ее пальцах виднеются чернильные пятна – она лихорадочно записывала каждое слово гадалки.

Роуз в два больших шага сокращает расстояние между ними и обнимает Фрэнсис за плечи, ее короткие черные волосы касаются щеки подруги.

– По-моему, та девица над тобой подшутила.

– Но убийство, Роуз! Я не могу просто выкинуть это из головы!

Эмили закатывает глаза.

– Да брось, Фрэнсис! Хватит. Пошли.

Она откусывает каждое слово, как хрустящий кусочек яблока. При взгляде на Роуз, похожую на Белоснежку, и сияющую золотом Эмили Фрэнсис вдруг кажется, что все они – сказочные персонажи. А в сказках, когда ведьма предсказывает судьбу, лучше к ней прислушаться.

Эмили и Роуз снова берут Фрэнсис под руки и идут по ярмарке дальше, но теперь медленно, как будто сквозь вату. Солнце еще палит, из бочонков в передвижных киосках по-прежнему льется рекой эль. Воздух кажется липким от горелых леденцов и слабого запаха дыма, но Фрэнсис ступает тяжело и целеустремленно. Она снова и снова шепчет себе под нос слова гадалки, пока они не впечатываются в память.

«Я вижу в твоём будущем скелет. Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твоё медленное увядание. Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст. И с этого момента едва ли повернешь назад. Но дочери – ключ к правосудию, найди одну нужную и не отпускай от себя. Все указывает на то, что тебя убьют».

Предсказание было настолько нелепым, что следовало бы расхохотаться. Но эти слова посеяли сомнения в голове Фрэнсис и уже пустили маленькие отравленные корни.

Подруги постарались весело провести вечер, и вскоре смех звучал не так натужно. Снова посыпались шутки и сплетни – все мелочи, так украшающие их дружбу. В шестнадцать лет взлеты и падения так же естественны, как дыхание, а эта троица дышала глубже большинства.

Но цифра три оказалась для них несчастливой. Всего через год трех подруг не станет. Одна из них исчезнет, и отнюдь не Фрэнсис Адамс.

Дело так и останется нераскрытым, а в папке с коротким отчетом о пропавшей будет лежать лишь одна улика: маленький полиэтиленовый пакетик с серебряной цепочкой и крохотной птичкой на ней.

Глава 1

В такие душные летние вечера воздух кажется настолько густым, что в нем можно плыть. Когда я вынырываю с прогулки по Пикадилли-лейн, даже затхлая атмосфера станции «Эрлс-Корт» ощущается глотком свежего воздуха. Преодолевая три лестничных пролета по пути наверх, я копаюсь в рюкзаке в поисках бутылки с водой. Однако нахожу только термос с остывшим утренним кофе.

Пока я глотаю остатки кофе, мимо, как городские газели, несутся поджарые мужчины. Как бы ни было противно глотать кофейную гущу, мне нужен кофеин. Гудит телефон, и я вытаскиваю его из кармана, подавляя желание посмотреть почту, и отвечаю на звонок.

– Дженни. – В мой голос наконец просачивается истощение. – Умоляю, скажи, что ты уже в пути. Я не могу снова оказаться в мамином подвале без поддержки. Убираясь там на прошлой неделе, я наткнулась на пауков. Огромных.

– Я уже тут, – отвечает она. – Стою на крыльце, дожидаясь тебя, ужасно не хочется, чтобы твоя мама таскала меня по дому и рассказывала, какие стены собирается снести.

– Отлично. И кстати, вряд ли ей разрешат сносить в доме стены, он ведь ей не принадлежит.

– Веская причина. А у нее, видимо, сейчас очередной приступ дизайнерской лихорадки, ведь не за горами ее персональная выставка в «Тейт».

Я морщусь. Мама – художница, довольно известная и успешная. Точнее, была, пока интерес к ее работам не поути. К сожалению, заминка в карьере совпала с потерей денег, заработанных ранее, поэтому большую часть моего детства мы балансировали на тонком канате между жизнью бездомных скитальцев и неприветливых представителей богемы.

– Ну мамина дизайнерская лихорадка помогает мне без конца не проверять пустую папку с входящими, так что я поддерживаю любые ее начинания. Мой рюкзак забит образцами краски и едва сдерживаемым разочарованием. Я готова взяться за подвал. Но только кроме пауков – это твоя задача.

– Ого! Собственная армия пауков! – мурлыкает Дженни. – Всю жизнь мечтала. – Она на секунду умолкает, словно тщательно обдумывая следующую фразу. – А почему тебя беспокоит отсутствие писем? Ты снова отправила роман в издательство?

Дженни – моя лучшая подруга с девяти лет. В прошлом месяце меня сократили с низкооплачиваемой офисной работы, и Дженни выступила идеальной смесью «плеча», чтобы выплакаться, и личного мотивационного коуча. Она заявила, что это отличная возможность исполнить мою мечту – писать детективы, ведь не у каждого начинающего писателя есть мама с домом из восьми комнат в центре Лондона, где можно жить бесплатно, выполняя разные странные поручения.

Нетипичные условия для девушки двадцати пяти лет – вернуться домой и терпеть переменчивое мамино настроение. Именно этого я и пыталась избежать, когда от нее съезжала, так что мое теперешнее положение выглядело как шаг назад. Зато в моем распоряжении оказался целый этаж дома в Челси¹, так романтично приходящего в упадок. В моей детской висит пыльная хрустальная люстра с отсутствующими подвесками, отбрасывающая призрачный свет на старинную пишущую машинку, обнаруженную в шкафу. Я ей не пользуюсь, только время от времени клацаю по клавишам для создания атмосферы. У нее пластмассовый клетчатый футляр в духе шестидесятых, а я их обожаю.

– Я начала рассылать последнюю рукопись литературным агентствам, – признаюсь я и прикусываю губу, когда Дженни не отвечает. – Первое письмо я отправила всего неделю

¹ Челси – исторический район Лондона, бывший ранее его пригородом.

назад. – Вытираю пот с затылка и выхожу на Эрлс-Корт-роуд, лавируя между людьми. Рюкзак весит тонну, но в книжном была распродажа, и я не устояла. К тому же у меня есть оправдание для покупки семи романов Агаты Кристи в переплете – это учебное пособие. – Но мне уже кажется, что книга ужасна.

– Вовсе не ужасна.

– Нет, правда. Я просто этого не понимала, пока не отправила.

– Но ты была так в ней уверена! – восклицает Дженни.

Я слышу в ее голосе особые переливы – она готовится перейти в режим группы поддержки.

Однако я успеваю ее прервать:

– Да, но теперь я поумнела. Знаешь, как бывает, когда к тебе случайно подходит чей-то малыш, и его мама вся сияет, думая, что тебя он умиляет так же, как и ее. А у ребенка текут сопли, и к одежде прилипли крошки.

– Э-э-э, ну да.

– Так вот, я вроде той мамы, разослала всему миру роман с сопливым носом, решив, что все будут воспринимать его так же, как я.

– Так вытри ему сопли и покажи во всей красе.

– Ага, кажется, именно для этого и существует редактирование.

Я слышу, как Дженни вздыхает.

– Энни, ты хочешь сказать, что разослала книгу литературным агентствам, даже не отредактировав ее?

Дженни долго и заразительно смеется. Я ничего не могу с собой поделать и широко улыбаюсь, сворачивая на Тригантер-роуд.

– Я была словно на крыльях! – сиплю сквозь смех. – Я наконец-то это сделала, понимаешь? Написала столько слов и дошла до конца.

– Ага. И я тобой горжусь, но ты должна была как минимум дать мне почитать роман, прежде чем посылать его агентствам.

– Что?! Нет!

– Если ты даже мне не даешь читать, то зачем отправляешь его незнакомым людям?

– Ладно, отключаюсь, я почти у дома.

Яковыляю к концу улицы, где меня дожидается Дженни, сидя на ступеньках крыльца.

Мамин дом притулился в самом конце вереницы роскошных домов, как неуместный гость на вечеринке. Я машу Дженни; она стряхивает пыль с шикарной юбки и проводит рукой по длинным черным волосам. У нее безупречный вкус, и я разглаживаю свое пышное летнее платье, жалея, что купила эту громадину. По какой-то причине меня как магнитом тянет к платьям, в которых я выгляжу как призрак Викторианской эпохи. А бледная кожа и белокурые локоны только подчеркивают эффект, так что, наверное, бороться с этим бесполезно.

Как и моя мама, мы с Дженни учились в колледже искусства и дизайна имени Святого Мартина. Ее родители переехали в Лондон из Гонконга, когда она была еще совсем маленькой. Они замечательные люди. Я никогда не признавалась в этом маме, но временами я тосковала по стабильной семье с отцом, братьями и сестрами, поэтому после школы шла не домой, а к Дженни. Даже когда та уходила на занятия теннисом или еще куда-то. Ее родители позволяли мне делать у них уроки, и я болтала со всей семьей и вдыхала ароматы настоящей домашней еды.

Окончив колледж, Дженни так твердо встала на ноги, как будто уже получила работу мечты. Она отвергла предложение заняться дизайном Королевского Альберт-холла и вместо этого присоединилась к команде, украшающей витрины в «Харродс». Она посвятила этому всю себя, создавая шедевры, в особенности на Рождество.

– Ну что ж, – вздыхает она, беря меня под руку, – посмотрим, что приготовил для нас подвал твоей мамы.

Мы на мгновение останавливаемся, чтобы посмотреть на дом. По бокам от монументальных каменных ступеней, ведущих к парадной двери, находятся два мрачных эркерных окна. Когда-то давно дверь, видимо, была зеленой, но краска с годами облупилась, а дерево немного покособилось. Но я все равно люблю эту дверь. Над мостовой возвышаются четыре этажа выбеленного бывшего величия, а окна до сих пор закрыты старыми бархатными шторами.

– Спасибо, что согласилась помочь, – говорю я.

Не понимаю толком, за что благодарю, ведь я выросла в этом доме. И хотя в нем всегда жили только мы с мамой, я была здесь счастлива. Думаю, я просто благодарна за то, что Дженни появляется, стоит только позвонить, даже если это предложение вместе разгрести старый подвал.

– Легче легкого, – отзывается Дженни. – К тому же на прошлой неделе ты уже сделала самую тяжелую работу.

– Ох, не напоминай. Там столько коробок и сундуков было! А грузчики, которых я наняла, настоящие деревенщины, просто закинули все в свой фургон. Кажется, я слышала звон битого стекла. Но я вписала свою фамилию и отправила все тете Фрэнсис, в ее странный дом в Дорсете². Надеюсь, она не слишком рассердится, когда неожиданно прибудет ее старое барахло, но мама настаивает на превращении подвала в студию.

– Дом ведь принадлежит Фрэнсис, да?

– Именно так.

– Почему я так мало о ней слышала? И не знакома с ней? – удивляется Дженни с легким намеком на напряжение, как будто подозревает, что я не поделилась с ней чем-то важным.

– Не принимай на свой счет. Я тоже никогда с ней не встречалась. Она не любит Лондон и вообще домоседка. И так богата, что даже не проверяет, что здесь происходит. Похоже, она каждую неделю посылает маме деньги. Это глупо и старомодно, как деньги от родителей в детстве, но мама не такая гордышка, чтобы отказываться. Однажды я спросила маму, почему тетя Фрэнсис присылает деньги, а она просто отмахнулась и пожала плечами.

– Хм, – фыркает Дженни, переваривая новую информацию. – Неприятно это говорить, но что будет, когда она умрет? У нее есть дети, которые выкинут вас из дома?

– Нет, все унаследует мама.

Я мысленно готовлюсь к реакции Дженни, потому что лучшая подруга на протяжении последних шестнадцати лет вроде бы уже должна быть в курсе. И я ничего от нее не скрывала, просто эта тема никогда не всплывала в разговорах. Тетя Фрэнсис настолько далека от нас, что для меня дом как будто наш. Я и забыла о ее существовании, пока не пришлось разбираться со старым барахлом.

Но Дженни только присвистывает.

– Семейное состояние, – говорит она, закатывая глаза. – А я-то думала, это все выдумки, и такое бывает только в кино.

Мы толкаем тяжелую входную дверь – конечно, незапертую. Мама никогда ее не запирает, говорит, если кто-нибудь решит ограбить дом на Тригантер-роуд, то выберет другой. Я обвожу взглядом кирпич на стенах в коридоре и редкие клочья штукатурки. Мама права – грабителю достаточно взглянуть на отслаивающиеся обои, и ему тут же станет ясно, что брать здесь нечего.

И это будет ошибкой, потому что многие мамины картины стоят целое состояние. Но она не продаст ни одну из ранних работ, хранящихся в доме, потому что слишком сентиментальна.

– Я здесь! – раздается мамин голос из кухни, находящейся в глубине дома.

² Дорсет – графство в Англии, расположенное в юго-западной части страны на побережье пролива Ла-Манш. (Прим. ред.)

Мы на цыпочках проходим по двум огромным комнатам, которые большинство людей использовали бы как гостиные, но мама сделала в них студию. К стенам прислонены огромные полотна, а пол заляпан пятнами краски. Уже много десятилетий назад мама перестала покрывать пол тряпками. Через два эркерных окна сочится желтоватый мутный свет, пробиваясь сквозь двадцатипятилетний слой городской грязи. Я не помню, чтобы мама когда-нибудь мыла окна, но уже настолько привыкла к этому освещению, что, если б окна вдруг помыли, свет показался бы слишком резким и ярким, как будто снял темные очки в солнечный летний день.

Мамины пепельные волосы подвязаны на макушке зеленой банданой, а в руке она держит почти пустой бокал красного вина. Еще два полных дожидаются на столе. Она нависает над массивной плитой и жарит лук – единственное, что умеет делать на кухне. В духовке что-то томится, и подозреваю, это какой-то полуфабрикат, который будет приправлен жареным луком.

– На столе тебя ждет почта, – сообщает мама, не поворачиваясь.

– И тебе привет, Лора, – поддразнивает ее Дженни, и мама немного смущенно поворачивается и быстро целует ее в щеку.

Затем она вроде бы собирается поздороваться со мной, но вместо этого вручает почти пустой бокал и берет со стола новый.

Я чувствую запах газа, но мама меня опережает.

– Секундочку, духовка выключилась.

Она зажигает длинную спичку от конфорки под сковородой, затем выключает газ и открывает дверцу духовки. Плита настолько старая, что приходится залезать внутрь и с риском для жизни зажигать ее от настоящего пламени. Я знаю, что лучше не говорить о замене духовки, потому что мы слишком часто это обсуждали на протяжении многих лет. Мама считает, что ретроплита – это круто. Я же, напротив, изо всех сил стараюсь не вспоминать самоубийство Сильвии Плат³ всякий раз, когда смотрю на эту духовку.

Опускаюсь на жесткий деревянный стул рядом со своей сумкой и беру толстый конверт с моим именем. Сердце на секунду замирает, ведь недавно я участвовала в нескольких литературных конкурсах. Но уже много лет никто не присылает результаты по почте; все происходит онлайн. Мозг просто тупит в ожидании, что кто-то заметит меня и мое творчество. Я допиваю оставшийся глоток столового вина из супермаркета. На вкус оно уже напоминает головную боль.

Вскрываю тяжелый конверт и достаю письмо на фирменном бланке.

«Мисс Аннабелль Адамс!

Вам необходимо присутствовать на встрече с вашей двоюродной бабушкой, мисс Фрэнсис Адамс, в офисе компании «Гордон, Оуэнс и Мартлок». Мисс Адамс хочет обсудить обязательства, возлагаемые на единственную наследницу ее поместья и активов».

Я прерываю чтение.

– Погодите-ка, это же от адвоката тети Фрэнсис, – говорю я. – Похоже, он ошибся адресатом, там должно быть написано «Лора». Это о наследстве.

Дженни наклоняется над моим плечом и просматривает письмо.

– Тут написано «двоюродная бабушка», – она указывает на слова. – Не похоже, что это ошибка.

– Ох, не может быть, – буркает мама.

³ Сильвия Платт (1932–1963 гг.) – американская писательница и поэтесса, покончившая жизнь самоубийством, засунув голову в духовку.

Она подходит к столу, вырывает письмо из моих рук и так долго его изучает, что лук начинает издавать запах горелой карамели. Потом бросает письмо на стол, возвращается к плите и снимает чугунную сковородку с конфорки, пока лук не сгорел окончательно.

Дженни читает письмо до конца, бормоча себе под нос.

– «Пожалуйста, приходите в офис... бла-бла-бла...». Это указания для встречи. Через пару дней, где-то в Дорсете, в местечке под названием Касл-Нолл. Боже мой, одинокая тетя в сонной деревушке? – шепчет она. – Загадочное наследство? Прямо как в кино!

– Уверена, письмо предназначалось маме. Тетя Фрэнсис страшно суеверна и вряд ли внезапно передумала, лишив маму наследства. Хотя... – медленно добавляю я, – учитывая все, что я слышала о тете Фрэнсис, это вполне в ее духе. – Посмотрев на недоуменное лицо Дженни, я понимаю, что должна прояснить ее насчет странностей тети Фрэнсис. – Это семейное предание. Я точно тебе никогда не рассказывала? – Дженни качает головой и отпивает вина из оставшегося на столе бокала. Я перевожу взгляд на маму. – Не хочешь рассказать историю тети Фрэнсис? Или я расскажу?

Мама снова борется с дверцей духовки и вытаскивает алюминиевый противень с чем-то не поддающимся определению. Потом вываливает на него жареный лук с чугунной сковородки, берет три вилки из корзины с разномастными столовыми приборами и ставит все это между нами, втыкая вилки под странными углами. После чего опускается на стул, отпивает вина и слегка качает головой.

– Ну что ж, – старательно произношу я голосом чтеца. Дженни наполняет мой бокал из бутылки. – Это случилось в далеком 1965-м, когда тете Фрэнсис было шестнадцать. Она пошла на сельскую ярмарку с двумя лучшими подругами и там посетила гадалку. И та ей нагадала что-то вроде: «Тебя убьют, и ты превратишься в груды костей».

– О-о-о, прямо в яблочко, обожаю такое, – произносит Дженни. – Но если ты собираешься писать детективы, Энни, и я говорю это от чистого сердца, надо поработать над подачей.

Мама снова берет письмо, изучая его, словно улику с места преступления.

– Нет, не так, – тихо говорит она. – Там было вот что: «Я вижу в твоём будущем скелет. Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твоё медленное увядание. Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст. И с этого момента едва ли повернешь назад. Но дочери – ключ к правосудию, найди одну нужную и не отпускай от себя. Все указывает на то, что тебя убьют».

Я втыкаю вилку в густую массу – как подозреваю, запеченного картофельного гратена из морозилки ближайшего супермаркета.

– Точно. В общем, тетя Фрэнсис всю жизнь верит, что предсказание сбудется.

– Это же... Даже не знаю, не то трагично, не то очень мудро, – тянет Дженни и поворачивается к маме: – Так Энни никогда не встречалась со своей двоюродной бабушкой?

Мама вздыхает, ковыряясь в луке.

– Мы просто предоставили тете Фрэнсис жить в своем большом доме и справляться самостоятельно.

– Погодите, так у вас есть тетя с огромным поместьем и вы ее просто игнорируете?

Мама взмахивает рукой, словно отгоняя слова Дженни.

– Фрэнсис игнорируют все. Она же с приветом. Настолько, что стала местной легендой – чокнутая старушенция в огромном поместье и с кучей денег, которая пытается накопить грязь на всякого, кто встретится ей на пути, вдруг именно он окажется ее убийцей.

– Так ты позвонишь адвокату насчет этой путаницы? – спрашиваю я.

Мама трет переносицу и отдает мне письмо.

– Не думаю, что это путаница. Я бы поехала с тобой в Дорсет, но Фрэнсис неспроста выбрала такую дату.

Я снова смотрю на нее.

– Твоя выставка в «Тейт», – медленно говорю я. – То есть она сделала это, чтобы ты не приехала?

– Может, Фрэнсис и с приветом, но очень расчетлива. И любит играть с людьми.

– Ладно, – вздыхаю я. При мысли о том, что придется пропустить мамину выставку, у меня опускаются плечи, но, похоже, от этой встречи зависит наше будущее. Остается лишь надеяться, что первый день выставки пройдет хорошо и за ним последуют другие. – Но почему я?

Мама громко выдыхает.

– Всю ее жизнь определило это предсказание, и долгие годы я была единственной наследницей именно из-за него: «дочери – ключ к правосудию». Я единственная дочь в семье, мой отец – старший брат Фрэнсис.

– Вторая часть предсказания, – бормочу я. – «Найди нужную и не отпускай от себя».

Мама кивает:

– Похоже, Фрэнсис решила, что я не та дочь.

Глава 2

Записи из Касл-Нолла, 10 сентября 1966 года

Я пишу это, потому что знаю – я наверняка видела то, что может иметь значение в дальнейшем. Некоторые детали выглядят сейчас незначительными, но потом окажутся чрезвычайно важными, или наоборот. Поэтому я собираю все и тщательно записываю.

Роуз по-прежнему считает меня чокнутой из-за того, что я никак не могу забыть то предсказание. Но она не знает, по какой причине я так сильно в него верю.

Кто-то угрожал мне еще до того, как я пошла к гадалке.

Я нашла в кармане юбки записку со словами: «Я положу твои кости в ящик». У меня мурашки по коже, стоит об этом вспомнить, но я держу записку под рукой на случай, если удастся что-нибудь из нее вытащить. Какой-нибудь намек, который поможет изменить углованную мне судьбу.

А затем я услышала предсказание: «Я вижу в твоём будущем скелет». Это не может быть совпадением. И к тому же две недели назад пропала Эмили, почти ровно через год после предсказания.

Когда меня допрашивала полиция, мне не поверили. Даже спросили, не считаю ли я, что мне уделяют слишком мало внимания, сосредоточившись на поисках Эмили. Поэтому я не стала рассказывать остальное, а решила, что возьму дело в свои руки.

Полиции уж точно не нужно знать о том, что происходило в этом году.

Глава 3

Всего через три остановки вагон почти пустеет – пассажиры выходят еще до того, как город тает вдаль. Через два часа в поле зрения возникают переливы зеленых холмов Дорсета, и меня затапливает предвкушение. Я вытаскиваю один блокнот из взятой с собой пачки и пытаюсь описать ландшафт. Поезд не идет до Касл-Нолла, поэтому в городке Сэндвью придется пересесть на автобус, а он ходит только раз в час.

Наконец поезд останавливается на конечной станции, и я вижу классический двухэтажный автобус из тех, что возят туристов на море. Сажусь впереди на верхнем ярусе, как ребенок, и автобус трясется по созвездию неказистых деревень, пока не прибывает в Касл-Нолл. К тому времени я уже целых сорок минут вдыхаю смесь легкого аромата моря с густым запахом навоза, но на мозаичном ковре проселочных дорог запах кажется скорее очаровательным, чем неприятным.

Деревня Касл-Нолл похожа на картинку с банки печенья: узкие улочки и каменные стены сухой кладки с одной стороны, высокий холм с осыпающимися развалинами нормандского замка на покатых склонах, где пасутся овцы, – с другой. Пока мы огибаем замок, я слышу их блеяние.

Приезжаю за несколько минут до встречи с мистером Гордоном и иду по мощеной улице, чтобы осмотреться. Поднимая рюкзак, задумываюсь, не стоило ли взять с собой больше книг или четвертый блокнот – тот, что в красной кожаной обложке.

Деревня так мала, что ее можно увидеть целиком, просто повернувшись вокруг своей оси. Наверху холма возвышаются руины замка, а у подножия стоит старинный паб «Мертвая ведьма». Он выглядит вполне подходящим местом для призраков. Шиферная крыша покосилась, как будто толстые стены устали ее держать, а побелка выцвела на солнце и облупилась. Остальная часть деревни безупречна до такой степени, что кажется съёмочной площадкой. Старомодный магазин сладостей уже в десять утра заполнен туристами, а большую часть улицы, примыкающей к пабу, занимает викторианская железнодорожная станция. От стоящих там паровозов валит пар, и семьи с детьми выстраиваются в очередь, чтобы купить билеты до единственного пункта назначения – приморского городка неподалеку.

На другом конце улицы стоит милое каменное здание, смотрящее на «Мертвую ведьму» сверху вниз. На ярко-красной вывеске золотыми буквами выведены слова «Гастрономия Крамвелла», и магазин украшает центральную улицу, словно веселая противоположность «Мертвой ведьме». Рядом с гастрономом находится гостиница «Касл-хаус». Она выглядит как бутик-отель, безукоризненно чистый и шикарный, и, вероятно, цены там космические.

Наконец я открываю дверь офиса компании «Гордон, Оуэнс и Мартлок» на первом этаже коттеджа на центральной улице. В комнате на удивление много воздуха и света, учитывая, что в когда-то небольшую гостиную втиснули четыре стола. Сияние зеленых настольных ламп сливается со светом, проникающим через стекло входной двери. В углу за большим столом сидит круглолицый мужчина, но все остальные столы пустуют.

– Простите, вы мистер Гордон? – спрашиваю я.

Мужчина поднимает голову и несколько раз моргает. Он смотрит на часы и снова поднимает взгляд.

– Я Уолтер Гордон. А вы Аннабель Адамс?

– Да, это я, но зовите меня просто Энни.

– Приятно познакомиться. – Он встает, чтобы пожать мне руку, но не выходит из-за стола. – Знаете, вы просто вылитая Лора.

Я слегка улыбаюсь, потому что это не новость – мне постоянно так говорят. Но это напоминает, что мама здесь выросла, и в Касл-Нолле есть люди, которые знали ее в молодости.

Жаль, что она не привозила меня сюда в детстве. Мама не ладила с родителями и всегда говорила, что ей нужен только Лондон.

– Я только что разговаривал по телефону с Фрэнсис, – говорит мистер Гордон. – Боюсь, придется перенести встречу в Грейвсдаун-холл. У нее проблемы с машиной. Дождемся, когда все прибудут, и отправимся туда вместе.

Я сажусь на стул напротив него, и мистер Гордон с опозданием замечает, что не предложил мне сесть. Я не старомодна в таких вещах, но мистер Гордон – другое дело, он носит мятый костюм, при этом не забыв о платке в нагрудном кармане. Мистер Гордон косится на соседний стол, бормоча что-то о секретарше и чае.

– Вы сказали «все». Можно узнать, кого еще мы ждем? У меня создалось впечатление, что на встрече будете присутствовать только вы и тетя Фрэнсис.

– Э-э-э... – Слегка разволновавшись, он начинает перебирать бумаги на столе. Мистер Гордон старается выглядеть официально, но я вижу, как он нервничает. – Фрэнсис внесла некоторые... э-э... существенные изменения в планы на будущее для поместья. Поэтому мы встречаемся с Саксоном и Эльвой Грейвсдаун, а они опоздают – они всегда стараются опоздать.

Я разрываюсь между желаниями спросить, кто такие Саксон и Эльва Грейвсдауны, и помалкивать, чтобы не выдать, насколько я плохо знаю тетю, которая вдруг решила сделать меня наследницей. Если Грейвсдаун-холл – дом Фрэнсис, то эти люди, видимо, родственники ее покойного мужа.

– А мой внук Оливер будет с минуты на минуту, – продолжает мистер Гордон. – Он тоже будет присутствовать на встрече. Вот и он, легок на помине.

В стекле на двери появляется профиль человека, и я разворачиваюсь на стуле. Мужчина долго возится с ручкой, пытаюсь удержать поднос с кофе. Мистер Гордон вскакивает, чтобы прийти на помощь внуку, и, когда дверь открывается, солнечные лучи ложатся на меня золотыми полосами. Оливер Гордон наконец переступает через порог, и выглядит он словно модель с журнальной обложки. Если уж на то пошло, он даже слишком идеален в своей одежде «для работы мечты». Светло-голубая рубашка, очевидно, подобрана под цвет глаз, но галстука нет – ворот расстегнут на одну пуговицу. На нем серые костюмные брюки, а через плечо перекинута кожаная сумка с ноутбуком. В одной руке мужчина держит картонный поднос с несколькими кофейными стаканами, а в другой – торт в замысловатой коробке с надписью золотыми буквами: «Касл-хаус».

– Энни, это мой внук Оливер, – сообщает мистер Гордон с нотками гордости, присущими дедушкам и бабушкам. – Оливер, это Энни Адамс, дочь Лоры.

– Энни Адамс, – медленно повторяет Оливер, и один уголок его губ слегка приподнимается. Он наклоняет голову, и волосы цвета карамели падают на лоб. Движение выглядит настолько отработанным, что я тут же решаю не обращать на это внимание. – Отличное имя, – говорит он. – Прямо как из комиксов.

– Прошу прощения?

– Ну, знаете, вроде Лоис Лейн или Пеппер Поттс. – Он приподнимает накачанные руки, словно хочет снять передо мной шляпу, только в руках у него поднос.

– Приятно познакомиться, – с улыбкой говорю я. Мне нравится, что под привлекательным фасадом скрывается человек с необычными увлечениями. Он берет себя в руки и снова надевает маску делового человека. – Фрэнсис еще нет? – спрашивает Оливер мистера Гордона. – А я хотел произвести фурор, войдя с кофе и тортом. Подумал, ей это понравится.

Мистер Гордон поднимает брови.

– Ты хотел? Или Роуз?

Оливер невольно улыбается.

– Ну ладно, Роуз. Она подкараулила меня перед гостиницей «Касл-хаус» и вручила все это. Думаю, это ее способ напомнить Фрэнсис, что она тоже хотела присутствовать.

– С какой стати она дарит торт, если злится на то, что ее не пригласили? – удивляюсь я. – Большинство людей поступили бы наоборот.

Мистер Гордон улыбается вполсилы.

– Верно, но Роуз из тех, кто требует к себе внимания чрезмерной добротой. – Он разглаживает платок в нагрудном кармашке, но тем самым лишь мнет его. – В общем, Фрэнсис может поговорить с Роуз и в другое время. Боюсь, придется взять торт с собой, потому что Фрэнсис не приедет. В ее «Роллс-Ройсе» забарахлил мотор.

И тут к двери подходит элегантная женщина.

– Бог ты мой, – бормочет Оливер, – я и не знал, что придется иметь дело с Эльвой.

Женщина входит в комнату, глядя чуть поверх наших голов, словно она ожидала увидеть кого-то другого. Ее волосы с проседью собраны в аккуратный хвост. По-видимому, ей около пятидесяти, но у нее такое молоджавое лицо, что я задаюсь вопросом, где в Касл-Нолле колют ботокс. На ней кремовый блейзер в тон туфлям. Будь здесь Дженни, она определила бы марку – «Шанель» или «Диор».

– Уолтер, – чеканит она, словно делает заявление, и сразу становится ясно, что она здесь главная.

Мистер Гордон поднимается из-за стола и снова шуршит бумагами, как будто его застали за чем-то непристойным.

– Здравствуй, Эльва. Прошу, сядь рядом с Лорой, – говорит он.

– Энни, – поправляю его я, и женщина вскидывает подбородок в мою сторону, как любопытная птица.

– Да, конечно, простите, Энни, – извиняется мистер Гордон.

– Ну что ж. – Эльва скрещивает руки на груди и шагает чуть ближе, со странным удовлетворением сморщив губы. – Так ты дочь Лоры? Как это похоже на нее. Послала тебя разбираться с плохими новостями, а сама не приехала.

– Плохими новостями? – переспрашиваю я. Похоже, я попала в ловушку, но мне хочется знать, о чем говорит эта женщина. – Мне известно только, что тетя Фрэнсис послала за мной.

Фраза звучит старомодно, словно я персонаж романа Джейн Остен, в котором за людьми «посылают».

Эльва разворачивается и снова обращается к мистеру Гордону, и мои плечи немного расслабляются, будто порыв арктического ветра из кондиционера улетел дальше.

– Да. Фрэнсис изменила завещание. Исключив Лору. Она сама мне это сказала несколько дней назад, – будничным тоном врача произносит Эльва. Как голос за кадром в документальном фильме о природе, который скучно и монотонно описывает ужасную бойню, устроенную львами на охоте. – Она приедет, чтобы объяснить это нам? У меня важный обед в половине первого в Саутгемптоне⁴, так что я не могу торчать здесь весь день. Да и дочери Лоры нет нужды здесь находиться, если Лору лишили наследства.

Я удивленно фыркаю, а мистер Гордон отчеканивает:

– Ну хватит, Эльва! Фрэнсис здесь нет, так что прекрати гадать на кофейной гуще. Вскоре она сама все объяснит, когда мы с ней встретимся. Где Саксон?

– Застрял в больнице Сэндвью, проводит вскрытие. Как только закончит, оттуда час езды, это если он успеет на паром, так что Саксон сказал, можно обойтись без него, потом введем его в курс дела.

– Фрэнсис это вряд ли понравится, – замечает мистер Гордон, снова опускаясь в кресло.

⁴ Саутгемптон – город в графстве Хэмпшир, расположен на южном побережье Великобритании. Крупный незамерзающий морской порт.

На мгновение мы напряженно застываем в ожидании реакции Эльвы, и на ее лице появляется маска высокомерного презрения. По какой-то причине все Эльвы в мире не видят во мне угрозу, и это дает определенное преимущество в подобных ситуациях.

Я расплываюсь в ослепительной улыбке.

– Простите, я не услышала, в каком родстве вы с тетей Фрэнсис. Вы ее кузина?

– Мой муж Саксон – племянник Фрэнсис, – самодовольно отвечает она.

Мама никогда не упоминала, что у тети Фрэнсис есть другие родственники, вероятно, потому, что в завещании не было никого, кроме нее. Я уже открываю рот, чтобы спросить об этом, но мистер Гордон наклоняется в мою сторону.

– Саксон – племянник мужа Фрэнсис, – говорит он главным образом мне. – После смерти родителей Саксона лорд Грейвсдаун взял его к себе, а после женитьбы на Фрэнсис отправил в школу-пансион. Она многие годы поддерживала его финансово, как и Лору. – Мистер Гордон косится на Эльву, которая изучает стену над головой адвоката, словно он нечленораздельно жужжит, а она пытается понять, откуда исходит этот звук. – Но они никогда не были особо близки, – добавляет он.

– А что касается Лоры, – продолжает Эльва, как будто никто, кроме нее, и не говорил, – к счастью, Фрэнсис наконец-то опомнилась. Дом в Челси много лет принадлежал Грейвсдаунам, так и должно оставаться. А когда на прошлой неделе я была в поместье, то увидела, что Лора без какой-либо причины прислала старые сундуки Фрэнсис. Это окончательно убедило Фрэнсис в ее решении. Она намерена исключить вас обоих.

Мне становится не по себе.

– Это все я. Это я отправила сундуки в Грейвсдаун-холл, и в счете компании-перевозчика, который должна была подписать Фрэнсис, стояло мое имя. Погодите-ка... Она поэтому так внезапно заинтересовалась мной? Каким образом это могло убедить ее сделать меня единственной наследницей поместья?

Мозг слегка раскалывается, потому что я ничего не понимаю.

Но вдруг Эльва права? Вдруг отправка сундуков из Челси убедила тетю Фрэнсис выгнать из дома жильцов?

Эльва выглядит так, будто вот-вот взорвется, подтверждая мою догадку – она блефовала, уверяя, что наследником станет Саксон. Она просто предположила это, услышав, что маму исключили из завещания.

– Мы сможем задать эти вопросы Фрэнсис при встрече, – отвечает мистер Гордон.

На его лицо ложится новый отпечаток усталости, и я понимаю, что он старше, чем казался сначала. Ему, наверное, уже за шестьдесят, пора на пенсию.

– Я снова в замешательстве, – произношу я. – На встрече тетя Фрэнсис просто скажет всем прямо в лицо, что исключила их из завещания? Это... нормально?

– Фрэнсис делает, что пожелает, – тяжело вздыхает мистер Гордон.

– Иначе говоря, всю ее жизнь и смерть определило проклятое предсказание, сделанное в 1965 году! – рывкает Эльва. – Старая перечница! – Мои глаза слегка округляются, но я не шевелюсь. Эльва вышла из себя, и наблюдать за тем, как рушится столь тщательно выстроенный образ, очень приятно. – Ты знаешь, что Фрэнсис отказалась оплачивать нашу свадьбу, если мы не сменим место? Мы решили провести ее в загородном клубе «Королева Виктория», но Фрэнсис и слышать об этом не хотела! Она заявила, что на их логотипе изображена королева Виктория, она же на салфетках и бокалах для вина, а значит, Фрэнсис будет весь вечер держать королеву в ладони. Это же просто смешно! У нее была безумная реакция на всех потенциальных королей размером с ладонь!

От тона, каким Эльва произнесла слово «безумная», я слегка отшатываюсь от нее, как будто нас всех собираются испепелить.

Эльва вдруг поворачивается и смотрит на Оливера, словно только что его заметила.

– А почему здесь твой внук, Уолтер? Это же семейное дело Грейвсдаунов.

Мистер Гордон вытаскивает из нагрудного кармана платок и промокивает лоб.

– Хочу тебе напомнить, Фрэнсис попросила присутствовать на встрече Саксона, Энни и Оливера. А тебя она не приглашала.

– Оливера? – Эльва и не пытается скрыть потрясение. – Но, если она хочет что-то оставить Гордонам, почему не тебе? Дом в Челси и поместье Грейвсдаун Саксону и мне, а тебе какие-нибудь памятные безделушки, Уолтер. Это вполне разумно.

Мистер Гордон трет переносицу.

– Пожалуйста, Эльва, прекрати строить предположения о завещании Фрэнсис. Сколько раз я должен повторять...

С ключами от машины в руках Оливер мотает мне головой.

– Могу подвезти. Пора отправляться. Не беспокойтесь о сумке, – говорит он, глядя на кожаную сумку, которую я поставила в углу. – Заберете ее после встречи.

Мы выскакиваем из офиса, как будто в нем вспыхнул пожар, даже не потрудившись попрощаться с остальными.

Глава 4

Записи из Касл-Нолла, 15 сентября 1966 года

Поиск тела вели в реке Димбер, текущей в деревню из соседнего графства через поместье Грейвсдаун.

Но только в самых глубоких местах, потому что в деревне речушка так мелеет, что прекрасно видно дно. Глубже всего она в поместье Грейвсдаун, и я не могу не думать об этом.

Потому что там-то все и началось. Именно Эмили задумала пробраться туда поздно вечером – она такая безрассудная.

Придется на время отложить дневник, потому что пришел Питер и спорит с мамой. Никто не выносит его жену Тэнси, но теперь, когда у них наконец появился желанный ребенок, пути назад нет. Они так отчаянно хотели ребенка. Может, теперь, когда не придется об этом беспокоиться, она станет приятней.

Так странно в семнадцать стать тетей, но это случается, когда брат на десять лет старше. Хотя, должна признать, Лора – самое милое на свете создание. Ей всего месяц, а она так забавно гулит, когда меня видит. Жаль только, что похожа на мать.

Глава 5

Пока мы идем к машине. Лицо Оливера совершенно непроницаемо. После встречи с Эльвой я в полном раздрае и заставляю себя смотреть на его твердый подбородок, придумывая какую-нибудь фразу, не наводящую на мысли о комиксах.

Он щелкает ключом, и на безупречном «БМВ» моргают габаритные огни. Оливер поставил машину прямо на главной улице, перегородив тротуар. Несколько прохожих, которым пришлось обходить машину по мостовой, сердито смотрят на нас, но Оливеру то ли все равно, то ли он просто их не замечает.

Когда Оливер заводит машину и трогается, повисает неловкая тишина. Он приоткрывает свое окно, и летний воздух обдувает наши лица, сметая напряжение. Мы сворачиваем на сельскую дорогу с пышной растительностью, и мне хочется высунуться из окна, вдохнуть зелень туннелей из листьев над нашими головами. Но я подавляю этот порыв – все-таки я ведь не золотистый ретривер.

– Так чем ты занимаешься в Лондоне? – спрашивает Оливер.

Его манера срезать повороты меня нервирует, но, судя по уверенному виду, он хорошо знает местные дороги.

Я медлю, потому что надо бы сказать: «Я писательница». Дженни считает, я должна отвечать на вопрос о работе именно так, потому что, в сущности, сейчас больше ничем не занимаюсь. Просто мне не платят. И не замечают. Я мысленно представляю пустую папку с входящими и кусаю губу.

– Я сейчас как раз в процессе смены работы, – отвечаю я, и враньем это не назовешь. – А пока занимаюсь несколькими творческими проектами. – Снова наступает тишина, и я быстро возвращаюсь к разговору, чтобы не углубляться в тему своих «творческих проектов». – А ты? Живешь в Касл-Нолле? По крайней мере, по здешним дорогам рассекаешь как местный.

Я улыбаюсь, но от этого комментария он лишь слегка прищуривается.

– О нет. Я тоже живу в Лондоне, работаю в «Джессоп филдс». – Оливер умолкает, как будто я должна знать название, но я понятия не имею, что это.

Мысленно перебираю похожие названия фирм, чтобы вычислить, в какой сфере он работает. Звучит как «Голдман Сакс» или «Прайсуотерхаусперс».

– Финансы? – высказываю предположение.

Он фыркает, а значит, я проиграла. Видимо, милая фраза о комиксах была случайностью. Пусть Оливер и привлекателен, но, похоже, на самом деле он редкостное дерьмо.

– Строительство, – наконец произносит Оливер, ловко переключая передачи, чтобы преодолеть холм, на котором явно не смогут разъехаться две машины. – «Джессоп филдс» – крупнейший лондонский застройщик. Но у нас есть проекты по всей стране. Да и по всему миру.

Ветерок слегка ерошит его волосы, и русые волны встают дыбом, а затем возвращаются на место. Я подавляю желание рассмеяться.

Похоже, Оливер разозлился, когда я предположила, что он живет в Касл-Нолле, хотя не понимаю почему и решаю расспросить подробнее.

– Но ведь мистер Гордон твой дедушка, верно? Значит, ты вырос здесь? Или приезжал к нему на лето?

– Да, но большую часть этого времени я провел в школе-интернате. Я учился в Харроу⁵, как и Саксон Грейвсдаун, – с гордостью заявляет он. – Потом в Кембридже, а затем сразу переехал в Лондон и начал работать в «Джессоп филдс». Поэтому нельзя сказать, что я здесь

⁵ Школа Харроу – одна из старейших и известнейших британских частных школ для мальчиков. Была основана в годы правления королевы Елизаветы I.

вырос, ведь так долго жил в других местах, – уклоняется он от ответа, прикрывая связь с Касл-Ноллом подробностями своего привилегированного образования.

Я вспоминаю свое детство, лондонское насквозь. По выходным мы с мамой болтались по станциям метро, как металлические шарики в пинболе. Я всегда считала, что у людей, выросших в сельской местности, есть корни, но, услышав, как Оливер отнекивается от связей с Касл-Ноллом, понимаю, что это у меня есть корни. И от этого почему-то моментально смягчаюсь. Пусть мое нищее детство и было нетрадиционным, но, по крайней мере, счастливым. Однако при мысли о доме в Челси я снова начинаю волноваться... А вдруг Эльва знает то, чего не знаю я? Эта мысль меня душит.

– Ты совсем не чувствуешь своей связи с Касл-Ноллом? – спрашиваю я, не пытаюсь скрыть удивления. – Неужели в детстве ты не лазил по развалинам замка и не катался на паровозе, взяв с собой бутерброды?

Оливер лишь пожимает плечами.

– По-моему, это грустно, – замечаю я.

– Это потому, что ты не росла в маленьком городке. Тебе Касл-Нолл кажется удивительным местом, но жизнь здесь скучная. Я предпочитаю жить в другом месте.

– Скучают только скучные люди, – возражаю я, это одно из любимых маминых изречений. – Но не волнуйся, если у тебя было скучное детство, я создам тебе новое, поинтереснее. – Я умолкаю, осматривая пейзаж в поисках вдохновения и намереваясь всерьез его раззадорить. – Вон на том холме в восемь лет ты сломал запястье, упав с велосипеда. А в той школе, – указываю на здание вдаль, – впервые поцеловался на дискотеке после восьмого класса, пока ждал, когда за тобой приедет мама.

– Это не моя школа, – напряженно произносит Оливер. – Я же сказал, что учился в школе-пансионе.

Он раздражен, но таким мне нравится больше – его раздражение по крайней мере выглядит настоящим.

– А вон там, – указываю я на уставленное туристическими палатками поле, – ты потерял девственность тем летом, когда приехал домой после первого курса Кембриджа. Немного позновато, но ничего. Думаю, во всем виноваты комиксы – они отобрали у тебя пару лет, пока ты не вылез из раковины.

– Ты закончила? – огрызается Оливер.

Моя улыбка становится шире, и я вскидываю голову.

– Пока да.

Закрываю глаза, и сквозь веки просачивается красно-золотистый свет.

Пятнадцать минут спустя машина Оливера съезжает с дороги в челюсти внушительных ворот. Белая гравийная дорожка яркой полосой делит пополам лужайку и убегает далеко вперед, так что дома тети Фрэнсис пока не видно.

Мы делаем плавный поворот, и наконец за темно-зелеными кипарисами и островками стриженной живой изгороди появляется Грейвсдаун-холл. Здание из песчаника выглядит солидно и мрачновато, даже под ярким августовским солнцем. Элегантные окна на трех этажах сверкают на солнце. Судя по грандиозному фасаду, дом явно тянется вглубь. С одной стороны дорожки одинокий садовник подстригает длинную волнистую изгородь. Сделан сад со вкусом, но мне немного жутковато. Мы останавливаемся на кругу перед крыльцом, неподалеку стоит только одна машина – раритетный «Роллс-Ройс» с открытым капотом, словно кто-то копался в моторе, но внезапно убежал по делам.

Мы с Оливером на секунду застываем перед высокими дубовыми дверьми, и я провожу рукой по резьбе. Виноградные лозы, ветви и замысловатые завитки сплетаются в единое целое, и я как будто падаю в лабиринт. Нервничаю из-за того, что наконец-то встречаюсь с загадочной

двоюродной бабушкой, внезапно вызвавшей меня через двадцать пять лет после моего рождения. Но эта нервозность похожа на ожидание результатов собеседования, на котором, как тебе кажется, ты очень хорошо себя показала.

Я нажимаю на латунный дверной звонок, и из недр дома доносится мелодичный перезвон. Наступает тишина, которая кажется слишком долгой, и Оливер стучит чугунным дверным молотком. Раздаются три гулких удара, таких громких, что их можно принять за выстрелы. Тянутся долгие секунды ожидания, и, когда уже кажется маловероятным, что кто-то откроет, Оливер дергает за ручки обеих дверей. Заперто.

– Может, спросить у садовника? – Мой голос дрожит сильнее, чем я ожидала: здесь я чувствую себя не в своей тарелке. – В смысле, вдруг у него есть ключ?

Оливер выгибает бровь, и меня просто бесит, как ему идет это выражение лица.

– Привет, Арчи! – кричит он, не отворачиваясь от меня. Уголки его губ дергаются в лукавой ухмылке. Конечно, он знаком с садовником, он же здесь вырос. Мне хочется закатить глаза, но, похоже, я просто не могу заставить себя отвести взгляд от лица Оливера. – Пойду помогу Арчи со стремянкой, – спокойно говорит он, улыбаясь от уха до уха. – У него больное колено. Повредил восемнадцать лет назад, когда вытаскивал меня из реки Димбер, после того как я свалился с тарзанки.

Не знаю, врет он или нет, но Оливер явно продолжает нашу игру, начавшуюся в поездке.

Садовник по-прежнему подстригает изгородь за нашими спинами, и состязание в гляделки сопровождается лязгом его ржавых ножниц. Первой отворачиваюсь я.

Да, садовник и впрямь выглядит слишком старым, чтобы взобраться на шаткую деревянную стремянку; у меня сводит челюсть от одного взгляда на него. Он оборачивается и прикрывает глаза от солнца, пару раз моргает и узнает Оливера.

– Оливер Гордон, – медленно произносит он. – Уже вернулся?

Я поворачиваюсь к Оливеру:

– Вернулся?

– Ну я уже сюда заезжал, – как ни в чем не бывало отвечает он.

– Зачем? – спрашиваю я.

Оливер удивленно смотрит на меня:

– Какая разница? Насколько я знаю, ты даже никогда не встречалась с Фрэнсис. С чего вдруг ты стала ее личным секретарем?

Мне хочется сдать назад, но я тут же злюсь на себя за это.

– Я приехала сюда, потому что мне интересно. Потому что хочу с ней встретиться. Я просто спросила, зачем ты приезжал сюда, потому что...

– Потому что очень любопытная, – обрывает меня Оливер.

Я морщусь.

– Мне просто интересно.

Арчи срезает с изгороди несколько торчащих веток, и с каждым разом его ножницы лязгают все громче, а Оливер тем временем пристально меня разглядывает.

– У Фрэнсис возникло несколько вопросов относительно недвижимости, – наконец говорит он, – и она пригласила меня на завтрак, мы просмотрели несколько старых планов поместья.

На дальнейшие расспросы времени нет – Арчи начинает спускаться по стремянке, балансируя длинными ножницами в одной руке. Оливер сует руки в карманы, и лишь когда я откашливаюсь, нехотя вынимает их и идет помочь Арчи. Не похоже, чтобы у садовника болело колено.

– А это кто?

Арчи спускается на гравий и вытирает лоб тряпкой. Просто вылитый старый садовник из книжек, от поношенного рабочего комбинезона и сапог до глубоких морщин на лице, загру-

бевшем от постоянной работы на улице. Из-под края потрепанной полотняной кепки выглядывают седые пряди, а по шее текут струйки пота.

– Меня зовут Энни Адамс, – представляюсь я, и он пожимает мне руку.

Его ладонь сухая, как потрескавшаяся земля.

– Арчи Фойл. Рад знакомству.

– Вы здесь единственный садовник? – спрашиваю я, оглядывая изгороди и лужайку. – Работы по горло.

Арчи улыбается, и морщины у глаз становятся глубже.

– Единственный настоящий. Но Фрэнсис позволяет мне делать то, что сочту нужным. Вообще-то она наняла ландшафтную компанию, и они заезжают сюда раз в неделю с газонокосилками и садовыми пылесосами. А я занимаюсь тонкой работой, потому что мне это нравится, и устраивает ее. Но в последнее время у меня много дел на ферме, и я лишь подстригаю изгороди, когда найдется свободная минутка.

Я окидываю взглядом волны живой изгороди, которая вдвое выше меня и тянется по меньшей мере на сотню ярдов вдоль дорожки, до кипарисовой аллеи.

– Впечатляющая работа, – говорю я, и это правда.

Вблизи изгородь уже не выглядит жутковато. Как человек, который видел много произведений искусства, я могу с уверенностью сказать, что эти переливы волн – одно из лучших. А садовник – настоящий скульптор.

– Благодарю. Это моя гордость и радость. Кроме меня, к изгороди никто не прикоснется до самой моей смерти. А после я попросил Фрэнсис похоронить меня рядом с изгородью, чтоб мой призрак отпугивал всех, кто попытается ее изменить.

Он смеется над своей дурацкой шуткой, но потом встречается взглядом с Оливером и резко умолкает.

Я мысленно отпрыгиваю, чуя какое-то глубинное течение. Оливер, строительство, завтрак с тетей Фрэнсис и планы поместья.

– Вы упомянули ферму? – спрашиваю я, пытаюсь сгладить внезапную напряженность.

– Точно, ферма Фойла. – Арчи показывает на огражденный кирпичной стеной сад чуть в стороне от дома. – Примерно в полумиле за классическим садом находятся мои поля, дом и все такое. Это и была ферма Фойла, пока ее не поглотило поместье Грейвсдаун. Но внучка говорит, ее бизнесу идет только на пользу, что она продает сыр, джем и прочее под этикеткой Грейвсдауна. У нее гастроним в городе, «Крамвелл».

Разговор прерывается хрустом шин по гравию – из-за поворота на скорости вылетает Эльва Грейвсдаун. Проигнорировав нас, она паркуется вплотную к дому, и скромный «Рено» мистера Гордона вслед за ней. Он едет в белом облаке пыли, которые подняли ее колеса, и если б машина могла кашлять, бедняга «Рено» зашелся бы в приступе.

– Арчи, – медленно произносит Оливер, – ты можешь впустить нас в дом?

– Не могу. У меня нет ключей.

Мы наблюдаем, как Эльва и мистер Гордон повторяют все то, что мы уже проделали раньше: звонят, стучат и снова звонят. Тянутся минуты, но никто не выходит.

– Нам следует волноваться? – спрашиваю я. – Фрэнсис из тех, кто назначает встречу и забывает об этом?

– Может, она говорит по телефону, – предполагает Оливер.

– Или пошла в туалет. – Оливер бросает на меня раздраженный взгляд, но я лишь пожимаю плечами. – Это естественная причина не открывать дверь.

Проходит еще пять минут, и Эльва начинает терять терпение. Она смотрит на Арчи, который встревоженно наблюдает за нами.

– Хотя, похоже, ключи есть у Уолта, – с удивлением говорит Арчи.

Мы оборачиваемся и видим, как мистер Гордон отпирает дверь, и мы с Оливером спешим присоединиться к остальным. По пути я киваю Арчи и машу рукой, а он пристально смотрит нам вслед, пока мы не входим в мрачную прихожую и не закрываем за собой тяжелую дверь.

После яркой белизны гравия дом кажется темным, наши шаги по плиткам пола отдаются эхом. Здесь стоит запах полироля для мебели и старых ковров.

– Фрэнсис? – устало зовет мистер Гордон.

– Фрэнсис, это я, Эльва.

Пронзительные нотки в певучем голосе Эльвы звучат гораздо громче. Он гулко разносится по коридору и проникает под кожу. Я вздрагиваю и следую за мистером Гордоном через дверной проем в огромную прямоугольную комнату. Очень древнюю, с двумя массивными каминами, по одному в каждом конце, а пол выложен не деревом или плиткой, а истертыми камнями. Сводчатый потолок и темные балки, длинный блестящий стол и стулья с высокими спинками создают впечатление старинного зала для приемов. Я представляю, как здесь выступают артисты, а элегантно одетые люди вкушают фазанов и тарталетки, но уж слишком все серо, отчего я невольно ежусь. Похоже, тете Фрэнсис тоже так показалось, потому что на высоких окнах занавески в цветочек, а у обоих каминов расставлены кресла в такой же обивке, чтобы сделать обстановку уютнее. На потолке висит огромная люстра, сверкающая сотнями хрустальных подвесок, напоминающих направленные вниз ножи.

По огромному залу расставлены цветочные композиции, семь из них выстроились в ряд. Выглядит это немного странно, пока я не замечаю прикрепленные к ним записки: «Доставить в церковь». А в центре стола стоит потрясающая композиция высотой не менее четырех футов.

– Какая красота, – говорю я. – Тетя Фрэнсис сдает дом в аренду для проведения свадеб или чего-то в этом роде?

– Нет, – отвечает мистер Гордон. – Фрэнсис увлекается аранжировкой цветов. Она такой заядлый флорист-любитель, что каждое утро просит Арчи приносить свежие цветы из сада. Наверное, они предназначены для свадьбы, Фрэнсис всегда занимается оформлением церкви.

– Ух ты, – говорю я, потому что букеты и правда впечатляющие.

Мы проходим через дверь в дальнем конце комнаты в библиотеку. Она уютнее, чем я ожидала, стены заставлены книгами в темных кожаных обложках. Через большие квадратные окна льется свет, которому нависающие снаружи листья глицинии придают зеленоватый оттенок.

Когда я следую за остальными, в воздухе как будто возникает какое-то странное напряжение. Мистер Гордон хмурится, заметив неопрятный букет роз на большом деревянном столе в центре комнаты. По сравнению с прекрасными композициями, которые мы видели, этот выглядит нелепо. Сами того не замечая, мы стараемся идти тихо, а зеленый узорчатый ковер скрадывает звуки шагов.

– Фрэнсис! – снова кричит мистер Гордон.

Тишина становится гнетущей.

И тут все одновременно замечают нечто ужасное – из-за стола на полу торчит ладонь. Бледная, не считая струйки крови на ковре.

Глава 6

Записи из Касл-Нолла, 21 сентября 1966 года

В первый раз мы пришли сюда мартовским вечером, когда еще рано темнело, а мы умирали от скуки. Но Эмили уже все тут исследовала и обнаружила прекрасное место в запущенной части сада, где мы могли выпить, покурить и повеселиться. Поэтому она с самодовольным видом повела нас в обход колючих зарослей и через дыру в заборе.

В моей руке была теплая ладонь Джона, и он не сводил с меня глаз. В ровном лунном свете его русые волосы и веснушки словно выцвели, подчеркивая красивый контур лица. Уолт Гордон ушел вперед с открытой бутылкой пива в одной руке, а другой время от времени обнимал Эмили за талию. За ухом у него торчали два косяка, он двигался со свойственной ему расслабленной уверенностью. Эмили то и дело настойчиво шептала что-то ему на ухо. Зная Эмили, наверняка что-то неприличное.

Роуз замыкала строй, в ту первую ночь она была еще более притихшей. Зимой она по той или иной причине отшила целую череду парней. У Арчи Фойла пахло изо рта, и он слишком нахальный. К тому же он был приемным ребенком, а значит, опасный тип, хотя Уолту он нравился, потому что поставлял ему травку. Еще был Тедди Гусс, но Роуз сказала, что он слишком прыцавый.

– Вы знаете, как умерла леди Грейвсдаун? – с привычным мелодраматизмом спросила Эмили. – Боже, ну и фамилия! – Она мелодично рассмеялась. – Эта семья была обречена с самого начала.

Голос Эмили стал низким и хриловатым – она собиралась рассказать либо похабную историю, либо грубую шутку.

Она распустила длинные волосы, и только одна прядь была склота жемчужным гребнем. Меня это раздражало – ведь это не только мой жемчужный гребень, но и моя фирменная прическа. С января... нет, еще раньше Эмили стала нарочито подражать мне в мелочах. Сначала это сопровождалось комплиментами: «Мне так нравятся твои хлопковые юбки! Одолжишь мне какую-нибудь?» или «Я пользуюсь лавандовым кремом для рук, потому что он напоминает о тебе». Все это она произносила с обезоруживающей улыбкой. Но я знаю Эмили всю жизнь, и ее улыбка отнюдь не проста. Эмили вообще ничего не делает просто так.

– О какой леди Грейвсдаун речь? – спросила Роуз. – Разве почти вся семья не погибла в автокатастрофе пару лет назад?

– Не вся.

Эмили помахала рукой, словно три жизни ничего не значили.

Три года назад старший сын лорда Грейвсдауна сидел за рулем спорткара, а с ним ехали отец и жена. Он слишком быстро вошел в поворот рядом с поместьем, машина перевернулась, все погибли мгновенно. Ходили разные слухи о том, почему он въехал в поворот с такой скоростью, говорили и о том, что он был пьян и что в машине началась жаркая ссора. Самое популярное объяснение было и самым трагичным – якобы старший сын Грейвсдауна разбил машину намеренно, из-за интрижки между своей женой и отцом.

Скорее всего, правды так никто никогда и не узнает, но Резерфорд, младший сын, всего в двадцать два года вдруг не только унаследовал титул и земли Грейвсдауна, но и стал опекуном своего семилетнего племянника Саксона. Поэтому Резерфорд сделал то, что посчитал своим долгом. Немедленно женился. Однако брак оказался коротким.

– Если ты говоришь о последней леди Грейвсдаун, то она жива, – сказала Роуз. На холоде ее дыхание собиралось в облачка пара. – Она сбежала. В наши дни такое случается все чаще, ничего нового. Она познакомилась с тем, кто понравился ей больше, вот и все.

– Ну нет, далеко не все, – отозвалась Эмили. – И когда я была здесь, то нашла доказательство. Хотите посмотреть?

– Я хочу, – сказал Джон.

Он игриво пожал мне руку, и я наклонилась к нему. От него пахло лосьоном после бритья и мятой – а значит, этим вечером он хотел подобраться ко мне поближе. Я пожала его руку в ответ и улыбнулась в темноте. Он помог мне перелезть через упавшее бревно, а Уолт впереди придержал ветки перед Эмили. Отпуская их, он выбрал идеальный момент, чтобы они шлепнули Роуз по лицу.

– Уолт! – вскрикнула я, но они уже прошли дальше.

Я остановилась, чтобы помочь Роуз смахнуть сосновые иголки с воротника, а Джон придержал ветки для нас обеих.

– Вот сволочь, – пробормотала она, поправляя прическу.

В другой день Роуз наорала бы на Уолта, но сегодня выглядела слишком уставшей. Мне было неловко перед ней, потому что мы с Эмили отхватили единственных интересных парней в Касл-Нолле. Джон наклонился и поцеловал меня чуть ниже уха, и я обрадовалась, что не вижу лица Роуз в темноте. Хотя все равно чувствовала, что она смотрит на нас.

Мы снова поравнялись с Эмили и Уолтом, и я решила, что, если проявлю интерес к истории Эмили, они перестанут допытывать Роуз.

– Вся деревня знает, что последняя леди Грейвсдаун, жена Резерфорда, бросила мужа, – сказала я. – У тебя есть доказательства, что это не так?

Джон воодушевился игрой в детектива.

– Вся деревня знает, но никто не слышал этого от Резерфорда, – сказал он. – Он не общается ни с кем в Касл-Нолле, он ведь из тех богачей, которые живут в загородном поместье, но на вечеринки ездят в Лондон.

– Ты прав, – тихо откликнулась Роуз. – У него даже есть шикарный дом в Челси.

– Откуда ты знаешь? – набросилась на нее Эмили.

– Арчи Фойл сказал, – ответила Роуз, расправив плечи и явно готовясь дать отпор, если Эмили осмелится в этом усомниться. Удивительное зрелище, прямо теннисный матч. – Арчи раньше жил на территории поместья, в фермерском доме.

– Ах да, я забыла, – ухмыльнулась Эмили. – Неудавшийся ухажер Роуз собирает все сплетни. Так он рассказал, что случилось с женой?

– Только, что она ушла, – равнодушно произнесла Роуз.

– Ну да, ушла. – Эмили сделала паузу для вящего эффекта. – Ушла в могилу.

Уолт хохотнул над ее неуклюжей шуткой и выбрал этот момент для того, чтобы ее облапать. Эмили тихонько застонала, когда он целовал ее в шею, а потом взяла у него пиво и сделала два больших глотка. Роуз прикурила сигарету, и на мгновение вспыхнул яркий оранжевый огонек зажигалки.

– Ее зарезали. – Эмили произнесла это таким серьезным тоном, что все замерли и сосредоточились. – Убили старинным ножом с рубином в рукоятке. Я его видела. Он спрятан в поместье. А тело убийца бросил в реку Димбер.

– Впечатляюще, Эм, – сказала я, качая головой.

Где-то слева в лесу громко хрустнула ветка, и я нервно хихикнула.

Джон взял у Роуз сигарету, и когда снова вспыхнула зажигалка, я закричала.

Вспышка высветила лицо в темноте. Лицо ребенка, мальчика. Он не сводил с нас глаз. Когда Джон щелкнул зажигалкой во второй раз и над ней заплескал огонек, лицо исчезло.

Уолт в тревоге нарезал круги, разыскивая мальчика. Роуз подошла ближе и в страхе схватила меня за руку. Но Эмили отреагировала странно, как и Джон. Тогда-то мне и следовало догадаться, но по моим венам растекался адреналин, и только позже, оглядываясь назад, я сложила все фрагменты. Когда уже все стало ясно.

Эмили ничуть не удивилась. А на лице Джона отразилась злость.

– Где ты, мелкий пакостник? – выкрикнула Эмили. – Выходи сюда, выходи, где бы ни прятался!

Джон выпустил мою руку и направился туда, где несколько секунд назад мы видели лицо. Он углубился в лес, и в темноте снова захрустели ветки.

– Ой, отпустите! – заверещал кто-то.

Из-за деревьев появился Джон, таща за собой мальчишку не старше десяти лет. Джон грубо схватил его за руку, и это выглядело странно, потому что теперь я узнала мальчика. Все мы узнали. А Саксона Грейвсдауна нельзя волочить как бездомную кошку. Хотя в деревне мало что было известно о его дяде, все знали, что семья богатая и титулованная. А значит, очень влиятельная, вне зависимости от того, знаком ты с кем-нибудь из них или нет.

– Джон, что ты делаешь? – сказала я. – Отпусти его.

Саксон заметил меня и оценивающе посмотрел. Его взгляд метался между Джоном и Эмили, а бледное лицо исказила гримаса – как будто от предвкушения. Джон выпустил его, снова подошел ко мне и обнял за плечи, словно оберегая.

Саксон отряхнул рукав в том месте, где его держал Джон, словно избавляясь от грязи.

– Омерзительный мелкий проныра, – прошипела Эмили, так чтобы Саксон точно услышал.

Саксон засопел, но его лицо расплылось в ухмылке.

– Я здесь живу и делаю что хочу. Это вы сюда вторглись. Может, рассказать об этом дяде? – Он шагнул к нам с Джоном. – Наверное, так и сделаю. Я знаю, как вас зовут. – Он посмотрел на Эмили, а потом на всех нас по очереди. – Я знаю все ваши имена.

– Нет, не знаешь, – возразила Роуз.

Саксон обошел Джона и встал прямо передо мной. Я пыталась понять, что он собой представляет, но никак не получалось. Он вел себя так странно. Как взрослый, заключенный в теле десятилетнего мальчика.

– Я тебя не боюсь, Саксон, – спокойно заявила я. – И мне плевать, если ты скажешь дяде, что мы проникли на его землю. Так уж нам захотелось, и ты ничего с этим не сможешь поделать.

– Вот это мне уже нравится, – произнес ровный баритон.

Из леса, как актер, появляющийся из-за кулис в нужный момент, вышел Резерфорд Грейвсдаун.

Глава 7

Мистер Гордон судорожно мечется вокруг стола, но, когда он опускается на колени перед тетей Фрэнсис, все остальные отшатываются. Она обмякла, как марионетка с перерезанными веревками, ее глаза открыты и смотрят прямо на меня. Глотаю воздух, пытаюсь подавить захлестывающую меня панику. Я чувствую, как вокруг кто-то двигается, но перед глазами все плывет.словно все в этой комнате не в фокусе, кроме лежащей передо мной безжизненной фигуры.

Я замечаю, что, не считая крови на ладони... на обеих ладонях, других ран вроде бы нет. Но ее руки в ужасном состоянии. Они не просто порезаны, а иссечены. Кровавые точки испещряют ладони как зловещие созвездия.

Я пытаюсь замедлить лихорадочное дыхание. И перевожу взгляд от тела Фрэнсис к беспорядку на полу. Рядом с ее руками валяется несколько длинных стеблей белых роз. Наверное, она подрезала их, когда упала. Я представляю, как Фрэнсис в жуткой судороге сжала пальцы с такой силой, что шипы вонзились в ладони, и у меня сводит горло.

Я не люблю кровь. И под этим я подразумеваю, что падаю в обморок при виде крови, иголок, любых ран и часто даже просто в больничной атмосфере.

А это явно не мелкие царапины. Я начинаю пятиться к сиденью у окна, меня тошнит и кружится голова.

– О господи, – охает Эльва. – Кто-то и правда это сделал. Кто-то убил ее. После стольких лет она оказалась права насчет своей судьбы.

У нее вырывается смешок, а потом она в ужасе прикрывает рот. Я замечаю, как увлажняются ее глаза, а руки немного трясутся.

Мистер Гордон нагибается и осторожно пытается нащупать у Фрэнсис пульс, трясет ее за плечи, но все это лишь тщетные старания перед лицом неизбежного. Потому что всем очевидно: тете Фрэнсис уже ничем не помочь.

Шею щекочет пот, я сажусь на подоконник и тянусь к ручке, чтобы открыть окно. Воздух. Мне нужен воздух.

Эльва берет себя в руки и хладнокровно набирает номер на телефоне. Оливер отворачивается и принимается расхаживать взад-вперед, держа руки на бедрах. Он тяжело дышит, погруженный в свои мысли, и вряд ли услышит, даже если я его окликну.

Мистер Гордон поднимает голову и смотрит на меня округлившимися, как у ребенка, глазами.

– Я... – бормочет он и умолкает.

– Она мертва, да? – спрашиваю я хриплым шепотом.

Эльва встает передо мной, и я пользуюсь этим, чтобы закрыть глаза и сделать несколько глубоких вдохов. Она обращается к мистеру Гордону, как будто больше здесь никого нет:

– Я вызвала «Скорую». Она приедет минут через пятнадцать.

– Вы вызвали полицию? – спрашиваю я, по-прежнему пытаюсь восстановить дыхание.

Мои ладони начинают потеть, я вспоминаю кровавые точки на руках тети Фрэнсис и... Что надо делать, когда случается приступ паники? Считать все синие предметы вокруг? Или найти пять предметов, чей запах я чувствую? Этого я точно не хочу, потому что могу думать только о медной вони крови. Хотя это нелепо, потому что сейчас я чувствую только аромат роз, смешанный с запахами других цветов в комнате. Сосредотачиваюсь на нем, чтобы только не смотреть на тело.

– Нет, я только попросила прислать «Скорую», – отвечает Эльва.

Ее голос больше не дрожит, но в нем присутствует какая-то смутная напряженность.

– Почему? – выдыхаю я и по-прежнему смотрю на цветы, пытаюсь успокоиться, это и правда помогает. Я замечаю в букете из белоснежных и персиковых роз желтые и оранжевые ранункулы. Делая глубокий вдох, снова поворачиваюсь к Эльве. – Разве не вы только что сказали, что ее убили?

Эльва смотрит на меня с жалостью, как на маленького ребенка.

– Это все потрясение, я перенервничала. Скорее всего, у нее был сердечный приступ или что-то в этом роде. А кровь идет из-за того, что она в судорогах сжала розы, прежде чем упала.

– Это уж точно решать полиции, – говорю я, прищурившись.

Если б я писала роман, то сочла бы нежелание Эльвы вызывать полицию подозрительным.

– Не знаю, как все остальные, но я не собираюсь стоять тут над трупом, – заявляет она, как будто не слышала меня, и пристально смотрит на мистера Гордона. – Если я понадобится, то буду в соседней комнате.

Она идет к небольшой дверце в углу библиотеки, спрятанной за кованой лестницей, ведущей к верхней галерее, так что поначалу я и не заметила эту дверь.

Оливер вскидывает голову и, не произнеся ни единого слова, следует за ней. Я смотрю на мистера Гордона, не зная, как поступить.

– Мы должны... остаться с ней? – спрашиваю я.

У меня по-прежнему слегка кружится голова, а голос дрожит.

Мистер Гордон встает, опираясь ладонями о колени – ему явно тяжело так долго сидеть на корточках. Он печально качает головой.

– Думаю, в этом нет нужды, Фрэнсис мы уже не поможем. Но я предпочитаю держать Эльву в поле зрения.

Я уже открываю рот, чтобы спросить, о чем он, но не успеваю – мистер Гордон тоже выходит за дверь. Я ничего не могу с собой поделать и снова смотрю на тетю Фрэнсис, лежащую на полу рядом с рассыпанными розами. Половина слегка увядшего букета еще валяется на столе, а в центре стоит ваза.

Я смотрю на тело и понимаю, что Эльва права. Мне тоже не нравится находиться рядом с трупом. Я встаю и спешу выйти через маленькую дверь в углу библиотеки. Оказывается, дверь ведет в комнату, посвященную главному пунктику тети Фрэнсис – предсказанию убийства.

Воздух в маленькой комнате такой спертый, что создает гнетущую атмосферу, как будто в него завернуты все теории, которые годами собирала тетя Фрэнсис, вместе с ее паранойей. Здесь нет окон, но кто-то включил свет, разогнав сумрак. Слабые люминесцентные лампы мерцают и жужжат, поэтому, заметив несколько свечей и коробку длинных спичек, я поджигаю фитиль. Но это только усугубляет атмосферу – все вокруг пропитано грустью.

Когда я наконец всматриваюсь в стену напротив, это чувство лишь усиливается.

Я слегка присвистываю, потому что тетя Фрэнсис даже нарисовала схему, посвященную собственному убийству. От пола до потолка, с именем и фотографией тети Фрэнсис по центру. К старым приколотым к стене фотографиям тянутся разноцветные линии, а почти все пространство между ними заполнено вырезками из газет и записками на стикерах.

– М-да, это зашло слишком далеко, – бормочет Эльва, глядя на доску.

Ее ангельское лицо вдруг презрительно сморщивается, она протягивает руку и срывает со стены один листок. Читает его, фыркает и комкает. Мне так неприятно на это смотреть, что я прижимаю ладони к векам, пока в глазах не начинают мелькать звезды.

Я люблю разгадывать убийства. Но стоя в этой комнате после того, как мы нашли труп тети Фрэнсис, и понимая, насколько она была одержима собственным убийством... Я вдруг в полной мере осознаю, что это не роман, а убийство – не просто загадка. Это эгоистичное, окончательное и серьезное деяние.

– Как ты, Энни?

Оливер берет меня под руку и выводит из ступора. Мистер Гордон бросает на меня взгляд и возвращается к доске.

– Нормально, – отвечаю я, но мой голос дрожит. – Просто мне совсем не хочется здесь находиться. Но и уходить я не хочу. Мы можем еще что-то сделать?

– Мы все должны остаться, – говорит мистер Гордон. – Можем пойти на кухню, так будет лучше.

– Я остаюсь здесь, – объявляет Эльва и срывает еще один листок со стены. – Тут понаписана куча лжи, и я собираюсь с этим разобраться.

– Не трогайте! – рявкаю я с неожиданной силой.

В голове немного прояснилось, и меня раздражает то, как Эльва обращается со схемой. Я опускаю взгляд на пол, к запискам, которые скомкала и выбросила Эльва, но там их нет. Я откашливаюсь и смотрю на нее с прищуром.

– А вдруг ее и правда убили? Вдруг на этой стене улики?

Эльва колеблется, но все-таки срывает со стены еще одну бумажку.

– Посмотри на это с другой стороны, Эльва, – ровным тоном произносит Оливер. – Разделяясь с заметками Фрэнсис, ты выглядишь виновной.

Эльва скрещивает руки на груди и с вызовом смотрит на нас.

– Ну ладно. Но я все равно остаюсь при своем мнении. Кстати, о тебе здесь тоже кое-что есть, – фыркает она, окидывая мистера Гордона долгим взглядом.

Мистер Гордон выглядит скорее заинтригованным, чем обеспокоенным, и пристально смотрит на доску. Оливер указывает на другую стену, где на схеме поменьше тоже висят фотографии с записками.

– Это же ты в подростковом возрасте, – указывает он мистеру Гордону. – Я узнаю эту фотографию где угодно.

Я уже внимательнее рассматриваю остальную часть комнаты и подхожу к Оливеру. На полках теснятся книги – похоже, тетя Фрэнсис собирала все, касающееся убийств. Рядом с энциклопедией растений – учебники по химии и документальные книги об убийствах. А еще о психологии, тайнах, ядах и оружии, но без какого-либо очевидного порядка.

Под торшером в стиле Тиффани стоит потрепанное кожаное кресло, но развернуто оно не к книгам, а к маленькому коллажу из фотографий, цветных линий, газетных вырезок, записок и полицейских отчетов. И в центре этого организованного хаоса – старая фотография девушки со светло-русыми волосами, ее имя тщательно выведено на клочке бумаги внизу:

«Эмили Спарроу, в последний раз видели живой 21 августа 1966 года».

Еще одна схема с расследованием убийства.

Оливер снимает со стены фотографию, о которой говорил, и вручает ее мне. Она подписана внизу: «Уолт Гордон, октябрь 1965». На фото худощавый и улыбчивый мужчина с длинными каштановыми волосами, как у музыкантов из «Битлз», одетый в сомнительного вида облегающий свитер с высоким воротом. Я невольно улыбаюсь.

Мистер Гордон подходит ближе и бросает взгляд на фотографию, но тут же смотрит на часы, словно отсчитывает время до приезда «Скорой», однако ясно, что он готов смотреть куда угодно, лишь бы не на стены.

Эльва дергает ящики в шкафах, но все они заперты. У меня внутри вспыхивает искорка удовлетворения: хорошо, что тайны тети Фрэнсис закрыты для Эльвы.

– Кто такая Эмили Спарроу? – спрашиваю я мистера Гордона.

Он отвечает не сразу, а Эльва поворачивается, скривившись от отвращения. Оливер пытается показать интерес, но продолжает копаться в телефоне.

– Она была подругой Фрэнсис. – Он откашливается и продолжает: – И моей. Она пропала, когда нам было по семнадцать лет.

Прямо под фотографией Эмили висит другая, еще более потрепанная. Три девушки стоят обнявшись, и в левой я узнаю блондинку Эмили. Ее узкая фигурка и светлые волосы контрастируют с юной Фрэнсис, стоящей рядом. Фрэнсис выглядит сногшибательно – распущенные волосы цвета осенних листьев волнами ниспадают до пояса, образуя вокруг лица сияющий золотой ореол. Ее лицо усеяно светлыми веснушками, а высокие скулы придают вид королевы. Большинство подростков угловатые и неуклюжие, но к этой троице судьба благоволила. Судя по фотографии, они были самыми популярными в школе, их замечали везде, куда бы они ни пошли.

С другой стороны Фрэнсис обнимает девушка, которую я не знаю, с резкими чертами лица и темными волосами до плеч. Из-за отлично подобранного наряда она скорее похожа на секретаршу 1960-х, чем на подростка, хотя выглядит не старше двух других девушек. Подпись гласит: «Эмили Спарроу, Фрэнсис Адамс, Роуз Форрестер, 1965».

А ниже – тот же круглый почерк, что и на записках, покрывающих стену.

«Я вижу в твоём будущем скелет. Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твоё медленное увядание. Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст. И с этого момента едва ли повернешь назад. Но дочери – ключ к правосудию, найди одну нужную и не отпускай от себя. Все указывает на то, что тебя убьют».

– Знаменитое предсказание, – выдыхаю я. – Интересно, почему она была так убеждена, что оно сбудется?

Я поднимаю палец, обвожу написанные на стене слова, и тут замечаю пометки от руки рядом с некоторыми фразами.

– Она ставила галочки, – говорю я. – Как в списке дел.

Оливер скрещивает руки на груди и смотрит на стену.

– Может, она считала, что это сбылось?

– Она отметила «Когда зажмешь в правой ладони королеву, начнется твоё медленное увядание» и «Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст». А фразы о дочерях и убийстве не помечены. Но вот здесь... «Я вижу в твоём будущем скелет» тоже стоит галочка. Причем, похоже, ее сделали не так давно, след от маркера яркий, а остальные выцвели. Как будто она совсем недавно убедилась, что это сбылось. О каком скелете может идти речь?

Мой мозг тут же начинает разгадывать предсказание. Что за королева в ладони? В голову сразу же приходит монета с профилем королевы. Но уж слишком это просто.

Кажется, в библиотеке я видела шахматы, но зачем они тете Фрэнсис, если она была такой мнительной относительно своей судьбы? На ее месте я бы держалась подальше от любых королей размером меньше ладони.

«Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст». Мой взгляд падает на подпись к фотографии. Фамилия Эмили – Спарроу, явная связь с птицей. Интересно, что за предательство? Только узнать это невозможно, не спросив тетю Фрэнсис. Я смотрю на мистера Гордона, стоящего у маленькой схемы с расследованием. Он осторожно касается пальцем фотографии Эмили.

Пусть я и не смогу расспросить о предательстве тетю Фрэнсис, но, может, мистер Гордон в курсе? Хотя подробности роли не играют. С моей точки зрения, важно только то, почему она считала, что предсказание сбывается, и самым последним сбылось предсказание про скелет.

А еще важно, умерла тетя Фрэнсис по естественным причинам или ее убили.

Мои мысли резко прерывает слабое «Ау» – в доме есть кто-то еще.

– Мы здесь! – откликается Эльва.

Мы нехотя перебираемся обратно в библиотеку, и одновременно через другую дверь входят два медика «Скорой». Женщина лет шестидесяти с отросшими светлыми корнями волос под темно-фиолетовой краской и высокий мужчина примерно маминого возраста. Хотя, возможно, немного моложе, где-то под пятьдесят. Он худощав, с темными выющимися волосами без признаков седины, его лицо обветрено, как будто он много времени проводит на свежем воздухе.

– Магда, Джо, спасибо, что приехали. Тут Фрэнсис... – говорит мистер Гордон и ведет их к телу.

Когда я вижу тело тети Фрэнсис во второй раз, то уже не выдерживаю, земля уходит из-под ног. Я точно грохнусь в обморок, если немедленно не выйду на воздух.

Джо шупает ей пульс.

– Да, боюсь, она умерла, – мягко произносит он. – Полицию вы тоже вызвали?

Мистер Гордон хмурится и качает головой:

– Звонила Эльва, и мы не сразу поняли, что она вызвала только «Скорую». И в сложившейся ситуации ее объяснение звучало разумно – не видно ничего криминального, не считая рук, очевидно пострадавших от шипов роз. Неужели мы ошиблись? – Мистер Гордон выглядит потрясенным. – Здесь и правда есть чем заняться полиции?

– Теперь, когда мы убедились, что она мертва, придется вызвать полицию, – отвечает Джо. – Так положено. Хотя, как по мне, причины выглядят естественными. Конечно, полную уверенность даст только вскрытие, и Саксон наверняка быстро с этим управится.

Я нервно сглатываю. Саксон? Племянник Фрэнсис – коронер? Я смутно припоминаю, как Эльва говорила про что-то связанное с аутопсией. У меня немеют пальцы. Мне нужен воздух.

Джо замечает, как я пытаюсь удержать равновесие, схватившись за оконную раму, берет меня под руку и выводит из дома. Я сажусь на каменные ступени перед большими дверьми, кладу голову на колени и медленно вдыхаю. Через минуту головокружение отступает.

– Я принесу вам воды, если нужно, – говорит он, садится рядом, положив руки на колени, и смотрит на яркую зелень лужаек.

Арчи Фойл больше не стрижет изгородь, его нигде не видно.

– Оставайтесь здесь. Если вам лучше, я загляну внутрь и помогу Магде.

Я киваю, и он уходит.

Минут через пятнадцать приезжают два полисмена в форме и в мгновение ока скрываются внутри Грейвсдаун-холла. Вскоре ко мне на ступенях присоединяются Оливер и мистер Гордон, хотя Эльва не торопится и выходит, только когда через парадную дверь вывозят каталку, накрытую тканью. Мы все отворачиваемся, но Эльва следует за ней, словно это уже похоронная процессия.

– Вы уверены, что ее не убили? – все-таки спрашиваю я медиков, когда они проходят мимо.

– Не похоже на убийство, – отвечает Джо. – Вы знаете ее ближайших родственников, кого надо известить?

– Ну, очевидно, Саксона, – замечает Эльва.

– Серьезно, Эльва? – вставляет фельдшер с фиолетовыми волосами, Магда, прежде чем успевает ответить мистер Гордон. – Ведь вся деревня знает, что Фрэнсис уже много лет назад сделала наследницей свою племянницу Лору.

Женщины обмениваются ледяными взглядами, но затем Магда снова смотрит на мистера Гордона.

Тот откашливается.

– Магда, прежде чем ты попытаешься вызвать Лору, может быть, сообщишь новости ее дочери Энни?

– Я... э-э-э...

Мой голос скрежещет, как будто я не говорила целую вечность, хотя молчала совсем недолго.

Джо стоит у открытой дверцы «Скорой» и смотрит на меня, как будто видит впервые.

– Вы дочь Лоры? – спрашивает он. Пауза длится дольше, чем я ожидала. – Ну конечно! – он сам отвечает на свой вопрос. – Теперь-то я вижу, вылитая Лора. А волосы... Эти кудри говорят обо всем.

Он улыбается, но немного с грустью.

– Я часто это слышу.

– Рад знакомству. А я Джо Лерой. – Он подходит ко мне и протягивает руку, хотя рукопожатие у него слабоватое. Я гадаю, стоит ли повторить свое имя, раз он уже его знает. – Мы с Лорой были знакомы, много лет назад. – На мгновение он умолкает, но потом серьезно смотрит на меня и произносит: – Примите мои соболезнования.

Он садится за руль «Скорой», включает радио и что-то невнятно говорит.

– Мы все потрясены, – вставляет Магда. – А вам лучше поехать обратно в деревню и перекусить. Или просто отдохнуть в приятном месте. Например, в гостинице, ее хозяйка – мама Джо, Роуз. Наверное, ей захочется с вами встретиться. Она близкая подруга Фрэнсис.

Я вспоминаю фотографию, где обнимаются все трое – тетя Фрэнсис, Эмили Спарроу и Роуз. А теперь в живых из трио осталась только Роуз.

Джо снова переводит внимание на нас, и на его лице мелькает тревога.

– Если поедете туда, пожалуйста, не говорите пока маме о Фрэнсис. Я сам должен ей сказать.

– Конечно.

Мистер Гордон бренчит ключами в кармане брюк.

– Мне надо вернуться в офис, – тихо говорит он. – Энни, вы задержитесь в Касл-Нолле?

Я делаю глубокий вдох, наполненный сладостью сада. Эльва уже за рулем в своей машине, заводит двигатель, торопясь оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда. Оливер стоит чуть дальше, болтая по мобильному, и выглядит на удивление бодро, учитывая то, через что мы только что прошли.

– Да, – наконец отвечаю я, причем с уверенностью. Меня переполняет чувство, что мне есть чем здесь заняться, вне зависимости от вопросов наследования. Я представляю схему по расследованию убийства из кабинета тети Фрэнсис, и мне отчаянно хочется узнать, кем она была на самом деле и что питало ее одержимость. – Наверное, узнаю, есть ли номера в гостинице.

– Магда! – зовет Джо, заводя машину. – Нам пора.

– Ага, – откликается она, запрыгивает на пассажирское сиденье и кивает Джо. – Приятно познакомиться, Энни. И примите мои соболезнования.

На «Скорой» беззвучно мигают синие проблесковые маячки, и машина отъезжает по гравийной дорожке.

Не отрываясь от телефона, Оливер садится в машину, даже не соизволив спросить, подвезти ли меня в деревню. Во мне вскипает ярость, и я хочу узнать, что с ним такое. Что-то явно не так. И это что-то сейчас на другом конце линии. Мы с мистером Гордоном провожаем взглядом машину Эльвы, следующую за «Скорой», а за ней уезжает и Оливер.

– Вы не могли бы меня подвезти?

Мистер Гордон улыбается, и в уголках его глаз расплзаются морщинки.

– Конечно. Только запру дом.

Мы оба молча смотрим на резные деревянные двери. Он шарит в карманах в поисках ключей, но ничего не находит.

– Я на минутку, Энни. Наверное, оставил их где-то в доме.

– Я помогу вам искать.

Не знаю почему, но мне не хочется оставаться здесь в одиночестве, глядя на изгороди Арчи Фойла. Теперь все поместье как будто таит в себе угрозу.

Мы снова идем в библиотеку по большой прихожей, по отдающимся эхом камням столовой. На большом столе в центре комнаты по-прежнему разбросаны цветы, но все остальное выглядит идеально – и не подумаешь, что всего несколько минут назад на полу лежала мертвая женщина.

Мистер Гордон ныряет в маленькую комнатку, а я окидываю библиотеку последним взглядом. На краю стола лежит небольшой блокнот в зеленой кожаной обложке, и, открыв его, я замечаю тот же паучий почерк, что и на стенах в соседней комнате. Глаза останавливаются на фразе: «Уолт Гордон ушел вперед с открытой бутылкой пива в одной руке, а другой время от времени обнимал Эмили за талию...»

Это дневник. Первая страница датирована десятым сентября 1966 года. На мгновение я задумываюсь, но потом решаю спрятать дневник в рюкзак. В сущности, это не кража. Я ведь наследница тети Фрэнсис. Но даже мельком просмотренные слова позволяют мне узнать необходимый контекст.

Мое внимание снова притягивают остатки букета на столе. Наверное, тетя Фрэнсис надергала для него растений из ближайшей живой изгороди. Откровенно говоря, полевые цветы и кружевная сныть вместе с белыми розами на длинных стеблях выглядят довольно уродливо.

А другой букет, стоящий у окна, наоборот, как будто сошел со страниц журнала о деревенской жизни. Все растения прекрасно гармонируют, а цвета напоминают о закате в сосновом бору, идеальный баланс.

Я рассеянно тереблю лепесток, упавший с букета на столе. Кто-то собрал с пола белые розы с длинными стеблями и положил сюда, на разбросанные вокруг полевые цветы.

Букет почему-то притягивает взгляд, возможно, просто потому, что кажется неправильным. В вазе есть даже клевер и ярко-оранжевые дикие маки, светящиеся, как неоновые шарики. Половина букета заваливается на бок, особенно клевер, так беспорядочно сваленный в кучу, что тянет за собой все остальное. Все, кроме роз, которые вызывающе торчат вверх, их шипы сверкают в солнечных лучах из окна.

Вглядываюсь пристальнее, шипы на розах глядят на меня в ответ с таким ожесточением, и я наконец понимаю, что тут не так. Вижу ускользнувшее от внимания в первый раз.

Когда возвращается мистер Гордон, я слышу звон ключей, но не оборачиваюсь.

– С розами кое-что не так, – говорю я.

– В каком смысле?

Он тянется к одной розе, чтобы взять ее.

– Стойте!

Я наклоняюсь и хватаю его за руку, пока он не успел прикоснуться к цветку.

– Что такое?

– Эти розы... они... Эти шипы... – Говорю я каким-то чужим голосом. – Из шипов торчит что-то металлическое. Из всех шипов.

Мистер Гордон наклоняется и бормочет ругательства, сипло дыша. Теперь он смотрит на букет как на невесту откуда взявшиеся щупальца.

– Я... Да. Точно. Не понимаю, как такое может быть, но тут иголки.

Он проводит рукой по остаткам волос.

Я очень аккуратно беру одну розу. Поднеся ее к свету, я вижу, как тщательно вставлены в каждый шип тонкие металлические иглы, они торчат в идеальном порядке. Я нервно сглатываю. Теперь здесь определенно нужна полиция.

Глава 8

Детектив Роуэн Крейн сидит в дальнем углу тесного кабинета в полицейском участке Касл-Нолла, большими глотками пьет кофе и смотрит в окно. Мистер Гордон назвал его имя и объяснил, где искать, а потом поспешил обратно к себе в офис.

Ближе к вечеру в участке пустынно. Не считая ворчливой секретарши, здесь нет никого, кроме детектива. Поскольку меня он еще не заметил, я быстро рассматриваю его. Мужчина одет небрежно, в темные джинсы и футболку, поверх которой не совсем подходящий светло-коричневый блейзер. На вид ему лет тридцать, темная шевелюра выглядит неухоженной, зато борода аккуратно подстрижена. Это придает ему суровый вид, но в целом он производит впечатление человека, который по утрам делает только то, что позволит выйти из дома.

Он поворачивается, замечает меня и тут же окидывает ответным оценивающим взглядом. Из тех, что длятся всего секунду, но подмечают мельчайшие подробности, которые ты пытался скрыть. У детектива карие глаза с неожиданно густыми ресницами, и он быстро смещает фокус с моих растрепанных белокурых волос к чернильным пятнам на пальцах и полиэтиленовому пакету в руках, и наконец его взгляд останавливается на торчащих из пакета розах с иголками.

В его глазах не видно осуждения, но меня словно занесли в каталог улик, прежде чем я даже успела сказать, зачем пришла. У меня начинают зудеть ладони, и я рассеянно вытираю их о джинсы.

– Чем могу помочь? – спрашивает детектив.

У него зычный и властный голос, и мне он сразу нравится. Но я тут же спохватываюсь. Встречая кого-то подобного (что случается редко, ведь в наше время такая спокойная уверенность осталась лишь в классической литературе), следует соблюдать осторожность. Если по капризу генетики чей-то голос вселяет уверенность, это еще не значит, что надо ему поддаваться.

– Детектив Крейн? – спрашиваю я, хотя его имя написано на прямоугольной табличке, стоящей на столе.

– Да, это я.

Я перекладываю пакет в другую руку, и детектив снова переводит взгляд на мои ладони.

– Меня зовут Энни Адамс, и я пришла из-за смерти своей двоюродной бабушки. Я нашла кое-что странное, мне кажется, вам стоит взглянуть.

Стул перед его столом отодвигается как будто сам собой, и я не сразу понимаю, что детектив подтолкнул его ногой в мою сторону.

– Наверное, вам лучше начать с самого начала. Как зовут вашу двоюродную бабушку? И когда она умерла?

Я сбрасываю с плеч рюкзак и устраиваюсь на краешке неудобного пластикового стула.

– Мы нашли ее пару часов назад? – говорю я с вопросительной интонацией, потому что время словно идет по кругу. – Ее забрали на «Скорой», но приезжали и полицейские.

На секунду детектив погружается в размышления, а потом берет ручку и рассеянно постукивает ею по стопке бумаг перед собой.

– Сюда никто не звонил, – медленно произносит он. – Но, видимо, медики вызвали полицейских из Литтл-Димбера, если те были неподалеку.

Детектив снимает с ручки колпачок и что-то записывает, но по выражению его лица ничего не поймешь.

– Медики сказали, в ее смерти нет ничего подозрительного и... – Я останавливаюсь, пытаюсь сформулировать мысль получше, но ничего не выходит. – В общем, тетя Фрэнсис была уже немолода. Фрэнсис Адамс, моя двоюродная бабушка.

При упоминании тети Фрэнсис он роняет ручку.

– О господи! – восклицает Крейн, слегка откидываясь назад. – Примите мои соболезнования. Мне нравилась Фрэнсис, хотя она и названивала по пустякам. Она была интересной дамой.

– Вот именно, интересной, иначе не скажешь, – рывкает секретарша из-за своего стола у двери.

– Хватит, Саманта, – ровным тоном говорит детектив. – Фрэнсис только что умерла, и здесь ее внучатая племянница. Имейте уважение.

Саманта разворачивается на крутящемся офисном кресле и подвигает его чуть вперед, но не встает. Ее седые волосы завиты и уложены, и выглядит она не намного моложе тети Фрэнсис.

– Уважение? Такое, какое испытывала к нам Фрэнсис? Эта женщина зазря потратила больше времени и ресурсов полиции, чем детишки, устраивающие розыгрыши на Хеллоуин.

– Саманта!

В тоне Крейна звучит предупреждение, но Саманте явно все равно.

– Помните, однажды Фрэнсис позвонила, потому что ее якобы держат на прицеле? Но оказалось, что садовник подрезал дерево странной формы, и тень от него напоминала человека с винтовкой. Тень, Роуэн. А пока половина участка разбиралась с тенью в поместье Грейвсдаунов, в центре города угнали машину.

– Саманта...

Детектив Крейн морщится, но Саманта не унимается.

– Нет, я должна это сказать! Ее родственникам следует знать, во что обошлась деревне ее безумная мания! А вы должны быть на моей стороне, детектив Крейн, учитывая то, как она с вами обращалась.

– Тетя Фрэнсис плохо обращалась с детективом? – Я удивленно моргаю. – Казалось, если так боишься, что тебя убьют, лучше, чтобы полиция была на твоей стороне.

– У нее пунтик насчет фамилий, связанных с птицами, – рывкает Саманта. – Из-за этого она третировала всю семью Крейнов⁶.

– А, точно, – бормочу я, вспомнив предсказание: «Остерегайся одинокой птицы, ибо она тебя предаст».

Детектив Крейн проводит рукой по подбородку и замирает, словно собирается высказать Саманте все, что думает. Но тут его лицо приобретает деловое выражение, и он отворачивается от нее.

Саманта пожимает плечами и катится на кресле обратно к столу.

– Можете рассказать, что произошло, а также имена всех присутствующих? Вы сказали «мы ее нашли».

Я в подробностях рассказываю о том, как провела утро. Теперь все это кажется книжной историей, и я могу отстраниться от событий, будто смотрю в окно, как другая Энни обнаруживает свою мертвую тетю на полу в шикарном поместье.

Дойдя до букета, я замолкаю и протягиваю пакет с розами детективу, не желая снова смотреть на иглы. Моя рука дрожит. На секунду я вспоминаю предсказание – слова об увядании, связанном с тем, что держишь в правой ладони. И тут до меня доходит.

– Вот черт! – шепчу я.

Я вроде бы не трогала розы. Точно не трогала. Я была очень осторожна.

Разве нет?

Но, посмотрев на свою ладонь, я вижу на ней и между двумя пальцами крохотные вздутия. Я определенно что-то трогала. Снова чертыхаюсь, на этот раз резче.

Детектив Крейн подается вперед, озабоченно хмурясь.

– Выглядит паршиво, – бормочет он так тихо, как будто разговаривает сам с собой.

⁶ С английского фамилия «Crane» переводится как «журавль».

Я спешу выпалить все остальное:

– В этих розах иголки! Перед смертью тетя сжимала эти цветы, у нее все руки были порезаны! Вот почему я здесь!

Детектив Крейн раздражающе спокойно достает из ящика стола хирургическую перчатку и натягивает ее прямо как врач. Он мягко берет меня за запястье, переворачивает мою ладонь и осматривает ее. Я как будто присутствую то ли на месте преступления, то ли в операционной. Другой рукой с помощью второй перчатки, зажатой между пальцами, он осторожно вытаскивает букет из сумки. Кладет цветы на стол и снова поворачивается к моей руке.

– Вы слышали, что я сказала? – повышаю я голос.

От скрипа колес на кресле Саманты мне хочется выбежать из участка. Мне кажется, она собирается обвинить меня в том, что я устроила сцену, как раньше устраивала моя безумная тетя. И от этого я еще решительнее настроена добиться, чтобы меня принимали всерьез.

– Тетя Фрэнсис мертва, – кричу я, – а когда ее нашли, она сжимала в руках розы, напигигованные иголками, и я тоже каким-то образом до них дотронулась! Почему вы не вызываете «Скорую»?

– Потому что узнал растение в букете и вашу сыпь, – ровным тоном сообщает Крейн.

– Да, все знают розы и сныть, – огрызаюсь я.

Детектив Крейн внимательно смотрит на меня, по-прежнему держа мое запястье указательным и большим пальцами. Он подносит мою ладонь к свету от настольной лампы.

– Это не сныть, – объявляет он, дергая подбородком в сторону беспорядочного нагромождения растений. – Эта трава раздражает кожу, каждое лето в Касл-Нолле приходит эта напасть. Мы в любом случае покажем вас врачу, он пропишет какую-нибудь антигистаминную мазь.

– И что же это за растение? – спрашиваю я.

Я еще не вполне успокоилась, но детектив говорит так уверенно, что мои плечи начинают расслабляться.

Он еще раз оценивающе смотрит на меня. Отмечает мою бледность и как дрожат мои ладони, лежащие на столе.

– Не важно, – рассеянно произносит Крейн.

– А для тети Фрэнсис было важно? – холодно спрашиваю я.

Я прекрасно вижу, когда от меня что-то скрывают, чтобы не напугать. Я раздражена, но цепляюсь за это чувство, оно помогает мыслить яснее.

Детектив молчит, просто выключает лампу и встает с кресла.

– Тетя Фрэнсис всю жизнь была убеждена, что кто-то хочет ее убить, и вдруг ее нашли мертвой, а вот это стояло на столе! – Слова так и сыплются из меня; я зла от того, что только что вручила детективу букет с иглами и какой-то травой, вызывающей на коже сыпь, а он не придает этому значения. – Так вы собираетесь исследовать букет?

Детектив Крейн выводит меня из участка, по пути к двери резко кивая Саманте.

– У вас что, вся семья состоит из сыщиков-любителей? – бормочет он. – Когда вы разговаривали с тетей в последний раз? – спрашивает Крейн, так и не ответив на мой вопрос.

Мне не хочется признаваться, что я никогда с ней не разговаривала.

– Я приехала из Лондона, чтобы встретиться с тетей Фрэнсис. Уолтер Гордон говорил с ней по телефону незадолго до того, как мы поехали к ней домой, вероятно, он был последним человеком, который с ней разговаривал.

Крейн снова молчит, только хмурится и кивает. Я стараюсь не смотреть на свои ладони, но не могу удержаться, и меня слегка качает.

Крейн берет меня под руку и ведет по извивающимся переулкам Касл-Нолла. Дома из песчаника залиты золотистым закатным светом, но я слишком поглощена разговором, чтобы обращать на это внимание.

Хоть Крейн так и не рассказал мне, к какому растению я прикоснулась, я не чувствую себя беззащитной. Вообще-то совсем наоборот. Он спокойно выслушивает мои теории и время от времени играет роль адвоката дьявола.

– Я видела букеты, которые составляла тетя Фрэнсис. Они бесподобны. Как свадебные букеты от профессионального флориста.

– Ну она делала букеты для многих свадеб в Касл-Нолле. И каждую неделю для церкви, – добавляет Крейн.

– Да. Мистер Гордон упоминал об этом. Мы видели несколько букетов, подготовленных для отправки в церковь. Но букет с этими розами выглядел нелепо, как будто надерган из сорняков. Мне кажется, кто-то послал его тете Фрэнсис, зная, что ей захочется его распотрошить.

– Если только смерть не произошла в тот момент, когда она сама составляла букет, – рассеянно говорит детектив. – Вы предполагаете, что букет был для Фрэнсис. А если от нее? Если он предназначался кому-то другому?

– Вы правда думаете, что кто-то пошлет такой жуткий букет на свадьбу? Или в церковь?

– Не знаю, вдруг кто-то ее разозлил. Фрэнсис злопамятна.

Я делаю мысленную пометку, это важные сведения.

– Что она имела против церкви? – спрашиваю я.

– У нее определенно была какая-то история с викарием.

Крейн морщится, словно запоздало понял, что ему не следовало этого говорить.

– История? В смысле...

– Забудьте, что я это сказал, Энни. Мы почти у больницы.

– И эта история теперь обернулась ей боком, как думаете?

– Я же сказал, забудьте. Это было сто лет назад, – слишком пылко отвечает он, и приказной тон вызывает еще меньше желания подчиниться.

– Сто лет назад? Например, в 1965-м? Когда ей предсказали судьбу? – Шестеренки у меня в голове бешено крутятся. – Или месяц назад? Какой-нибудь спор о цветах был раздут до предела, а потом...

Я пытаюсь представить, каким образом спор тети Фрэнсис с викарием может иметь отношение к скелету и послужить причиной отметить фразу из предсказания, но ничего не выходит.

– Например, в 1965-м. Член моей семьи был знаком с Фрэнсис в то время, так что я знаю, о чем говорил, когда вежливо попросил вас оставить эту тему. – Он на секунду умолкает и смотрит на меня так сурово, что я чуть отодвигаюсь. – И прежде чем у вас разыграется воображение, а вы из тех, кто любит воображать всякое, повторяю, оставьте в покое беднягу викария. Джон и без того натерпелся.

Любопытно. И если я собираюсь разгадать загадку этих цветов, теперь у меня есть новое имя. Джон.

Я отворачиваюсь и лишь тут замечаю, что мы подошли к неприметной двери бодрого зеленого цвета. Каменный дом, как и его соседи, выглядит таким древним, что наверняка был построен, еще когда существовал замок. Детектив Крейн стучит костяшками пальцев по двери, и даже это делает как профессионал. У двери висит табличка с именем: доктор Эси Овусу.

Дверь открывает женщина в белом халате.

– Эси, – извиняющимся тоном произносит детектив Крейн, – у тебя есть время на осмотр пациента без записи?

Доктор Овусу выглядит слегка раздраженной, но смотрит на меня с сочувствием – настоящие врачи это умеют, даже в самом плохом настроении.

– Да, конечно, – говорит она, приглашая меня войти. – Обычно я не принимаю пациентов по вторникам, это день для заполнения бумаг. Но времени у меня мало, внезапно потребовалось провести срочное вскрытие и все такое.

Она бросает на Крейна пристальный взгляд, и между ними проскакивает какая-то электрическая искра деревенской осведомленности. Мои глаза округляются. Зачем местному врачу делать срочное вскрытие? Ведь речь не о тете Фрэнсис? Не слишком ли быстро?

– Пожалуйста, Эси, – настаивает Крейн. – Мне не хочется вести ее в отделение скорой. По-быстрому, хорошо?

Теперь мои ладони пульсируют от боли, а сыпь расползается дальше.

– Ладно, – соглашается женщина, открывая дверь пошире, и приглашает нас войти. – И зачем же вам неожиданно понадобился врач? – мягко, но настойчиво спрашивает доктор Овусу.

У меня вдруг пересыхает во рту. От флуоресцентного света в кабинете врача голова опять плывет, и боль в ладонях превращается в эхо нарастающей паники.

Когда Крейн вынимает букет, шуршание полиэтилена звучит как будто где-то далеко. Доктор Овусу тычет в него пальцем и тихо что-то говорит Крейну.

Тот зычным голосом произносит «болиголов», но у меня кружится голова. Я чувствую странную слабость, а кости словно плавятся, и чьи-то руки усаживают меня на стул.

Прежде чем все погружается в темноту, опять эхом раскатывается слово «болиголов».

Глава 9

Записки из Касл-Нолла, 21 сентября 1966 года

– Я мог бы спросить, что вы здесь делаете, – произнес Резерфорд, обводя взглядом каждого из нас. Он посмотрел на Эмили, которая до сих пор держала в руке пиво, на Роуз с сигаретой и на меня, с рукой Джона на плече, так, будто видел насквозь. – Но думаю, я уже знаю.

Его губы дернулись в улыбке, словно ему пришла в голову какая-то шутка.

Он оказался моложе, чем я ожидала, хотя, согласно городским сплетням, ему всего двадцать три. Он был широкоплечим и гораздо выше любого из нас. Я плохо видела его глаза, но, судя по грозному подбородку, в кулачном бою он мог бы выдержать на удивление много ударов, а после выйти победителем. Интересно, почему он до сих пор не женат? Богатым и привлекательным нетрудно найти пару. А в двадцать лет у него уже имелся титул, да еще и племянник на попечении. На его месте мне не хотелось бы оставаться в одиночестве.

Даже не потрудившись спрятать пиво, Эмили расправила плечи, но я знала, что это наигранная уверенность. Она многозначительно стрельнула в меня взглядом, а потом снова посмотрела на лорда Грейвсдауна. Посмотрела прямо в глаза, и клянусь, я видела, как она слегка покачала головой. Я чувствовала себя как на сцене, словно кто-то разыгрывает шутку со мной в главной роли.

Его взгляд надолго задержался на Эмили.

– И кто же вы?

Эмили удивленно фыркнула, но улыбнулась и шагнула вперед.

– Меня зовут Эмили, сэр, а это Уолт. Это Роуз, Джон и его подруга.

Она указала на всех нас по очереди, и, к моему возмущению, только я не удостоилась ничего большего, чем «подруга Джона».

– Понятно. И что вы делаете в моем поместье так поздно?

Эмили откашлялась. Все это выглядело как отлично подготовленный спектакль.

– Мы приносим извинения, но вы же знаете, как это бывает, правда? Никто в деревне не понимает наши безобидные развлечения.

На секунду она опустила взгляд, а потом посмотрела лорду Грейвсдауну прямо в глаза. Эмили еще на пару шагов отошла от Уолта и слегка наклонила голову, так что волосы упали на плечо, и она с нервным видом заправила прядь за ухо. Эмили уж точно не нервничала, но очень хорошо умела притворяться. Я догадывалась, что еще пара минут, и из нее польются фальшивые слезы вместе с обещаниями ходить в церковь.

Он прервал ее взмахом ладони. Эм сморщила лицо еще чуть-чуть, но публика явно потеряла интерес.

– Не уходите далеко от леса и развалин греческого храма в восточной части поместья и не оставляйте после себя мусора, – произнес лорд Грейвсдаун.

Уголок его губ слегка дернулся вверх, и я решила, что, может, между нами не настолько уж огромная пропасть. Может, до того как на него свалилась такая ответственность, он приезжал сюда с друзьями и устраивал вечеринки? В противном случае я не видела причин, почему лорд Грейвсдаун просто нас не выпроводил. Возможно, мы олицетворяем для него прошлое, которого уже не вернуть.

– Держитесь подальше от сада и лужаек у дома и ни в коем случае не приближайтесь к заброшенному фермерскому дому. Там сломалось водяное колесо, и это очень опасно. Я не хочу вытаскивать из реки Димбер трупы. – Он повернулся и окинул меня долгим взглядом, и я почувствовала, как Джон напряг плечи. – Саксон любит шататься по округе. – Лорд Грейвсдаун сурово покосился на племянника. – Так что если снова его увидите, пожалуйста, приведите домой. А ты... Как тебя зовут?

Я откашлялась и пропихнула:

– Фрэнсис.

– Фрэнсис, – повторил он и мягко улыбнулся.

Мне показалось, лорд Грейвсдаун оценил, что я не накричала на его племянника, когда тот нас напугал. Когда я вспомнила, что мы обсуждали жену Резерфорда всего за несколько секунд до того, как он появился из леса, к моим щекам прилила кровь, и лунного света было достаточно, чтобы мужчина заметил мой румянец.

Выражение его лица изменилось, а улыбка стала надменной – так улыбаются те, кто знает, сколько в их руках власти, и готовы ее использовать. Он поманил меня пальцем. Мне хотелось прильнуть к Джону поближе. Внезапно я ощутила себя в ловушке, но все-таки подошла к лорду Грейвсдауну.

– Фрэнсис, – сказал он уже тише. – Тебе нравятся головоломки?

Нелепый вопрос сбил меня с толку, и я возмущенно фыркнула. Он что, сфинкс, стоящий на страже перед рухнувшей колоннадой и испытывающий меня? Если здесь и были развалины, то они походили на древнегреческие храмы, воздвигнутые в саду аристократами, все до одного фальшивые. Весь этот разговор теперь казался ненастоящим. Мое сердце учащенно забилось, и я вдруг осмелела.

– Нет, – ответила я. – Я не люблю головоломки. Они хороши только в выдуманных историях, а люди используют их, чтобы выставить напоказ свою фальшивую сообразительность.

Он разразился смехом, запрокинув голову. А когда снова посмотрел на меня, в его глазах отразилось одобрение.

– А ты мне нравишься, – фыркнул Грейвсдаун.

Эмили засопела. Возможно, от раздражения, что ее игра не подействовала на лорда так же, как мой вызов, или просто от зависти, что я вдруг оказалась в центре внимания.

Повисла долгая пауза, и я поняла, что должна что-то сказать. Я не знала, сделал ли он мне комплимент или просто высказал свои мысли.

– Благодарю, мистер... э-э-э... сэр. И спасибо за то, что не выгнали нас и не разозлились, – поспешно добавила я.

Его улыбка стала шире, и в лунном свете блеснули ровные белые зубы.

– Прошу, зови меня просто Форд.

Лорд Грейвсдаун посмотрел на меня так пристально, что я на мгновение поверила в рассказ Эмили о ноже с рубином и реке Димбер. Это был всего лишь взгляд, но он как будто околдовал меня. Эмили втиснулась между нами, и лорд Грейвсдаун отвел взгляд.

– Не волнуйся, Форд, – с легкостью перешла она на «ты», как будто они были старыми друзьями. Я же все равно собиралась называть его «сэр». – Конечно, мы выглядим немного диковатыми, – продолжила Эмили, сбросив маску нервозности с той же легкостью, с какой и надела ее, – но уверяю, ведем себя достойно.

Он не ответил, лишь задумчиво кивнул.

– Идем, Саксон, – наконец сказал лорд Грейвсдаун.

Проходя мимо Эмили, Саксон быстро прошептал:

– Будьте осторожны. Мы любим почудить.

Потом он ухмыльнулся и последовал за дядей в лес.

Никто из нас не двигался с места, казалось, целую вечность. Наконец Эмили расхохоталась, прогнав возникший холод.

– Ну и семейка! – прыснула она.

Роуз прошла вперед по тропе, вертя головой влево и вправо, и наконец вернулась, немного успокоившись.

– Они и правда ушли? – спросил Уолт.

– Ушли, – подтвердила Роуз.

После встречи с Грейвсдаунами она стала больше напоминать себя прежнюю. Словно наше маленькое приключение ее разбудило.

Признаю, я тоже чувствовала себя бодрее. И спасение, и загадка, и свобода – все сошлось вместе.

Пока остальные шептались о том, что сейчас произошло, Джон подтянул лямку рюкзака и улыбнулся мне. Он снова взял меня за руку, и мы пошли дальше по тропинке среди деревьев, в противоположном направлении от того, в котором удалились Саксон и его дядя.

– И где же развалины этого древнегреческого храма, Эм? – спросила я.

Джон уверенно шел вперед, ведя меня за руку в темноте.

Эмили хихикнула.

– Сверни направо, Джон! – сказала она, но Джон уже и так шел туда.

Наконец мы добрались до поляны, и в лунном сиянии я поняла, почему именно здесь решили возвести загадочную постройку. Лес обступал поляну со всех сторон стеной берез и сосен, а над головой простерлось бескрайнее небо. Ночь была ясной, и я четко различила ковши Большой Медведицы.

– Хватит смотреть в небо, Фрэнсис, – поддразнил меня Уолт. – Давай лучше расслабимся.

Я услышала щелчок еще одной открываемой бутылки с пивом и увидела, как Эмили и Уолт устроились на упавшей колонне храма.

Вокруг раскинулись фальшивые руины – ландшафтный дизайнер тщательно уложил камни, придав этому месту атмосфере загадочности, хотя на самом деле это были просто скамейки.

– Чем займемся? – спросил Уолт, и я учуяла запах его самокрутки.

Эмили затянулась, прищурившись.

– Это очевидно. Мы с тобой будем курить, Роуз продолжит киснуть, а Джон с Фрэнсис уединятся, чтобы перепихнуться.

– Ох, ты такая обломищица, Эм! – рассмеялся Уолт, толкнув ее локтем.

Джон на секунду стиснул зубы, но отвечать не стал. Вполне в духе Эмили вот так все опомилась. Она вытаскивает на свет то, что лучше бы оставить невысказанным, и вытряхивает из этого души, выставив все как шутку. Но я не могла позволить ей превратить мои отношения в фарс.

Я снова стиснула руку Джона и расправила плечи. А потом заявила с высокомерным видом:

– Уж не знаю, чем будете заниматься вы, но мы не станем зазря терять время с такими придурками.

Не самый остроумный ответ, но ничего лучшего в голову не пришло.

Однако Эмили напряглась, как будто я объявила ей войну. Она злобно ухмыльнулась.

– Не волнуйся, Фрэнсис, – мягко, почти успокаивающе приознесла Эмили. – Я понимаю, как тяжело остаться последней девственницей в компании. Но у Джона есть опыт в этих делах, так что ты в хороших руках.

– Не слушай ее, Фрэнни, – прошептал Джон. – Давай просто уйдем, ни к чему нам это все.

Я поцеловала его долгим, неторопливым поцелуем, только чтобы показать, что мне плевать на слова Эмили. И он увел меня по другой тропинке в темноту.

Минуту-другую мы шли молча, Джон впереди. Его рюкзак раздулся от одеяла и бутылки вина, которые он туда засунул. Я не рассказывала Эмили о наших планах, да и Джон вряд ли, но полагаю, наши намерения были очевидны. Естественно, мы не могли пойти домой, к родителям, и машины у нас не было. Всех сюда привез Уолт, он оставил машину на дороге

в миле отсюда, а дальше мы шли пешком и пробрались через дыру в заборе, которую нашла Эмили.

Мне наша затея представлялась романтической, но, пока мы переступали через поваленные ветки, подыскивая место без торчащих коряг и мокрых листьев, начало казаться, что это никогда не кончится. Я выругалась себе под нос. Именно это и пыталась внушить мне Эмили.

– Я начинаю ее ненавидеть, – сказал Джон, озвучив мои мысли.

– И я.

Больше об этом мы не говорили, но было приятно, что наши мысли совпадают.

Наконец мы нашли укромное местечко под огромной сосной, с мягким слоем хвои внизу и достаточно низкими ветвями, чтобы скрыться под ними. И как только мы забрались под сосну, мои стиснутые челюсти немного расслабились. Здесь было безопасно, и нас никто не увидит. Идеально.

Видимо, Джон чувствовал то же самое, потому что улыбнулся и поцеловал меня, а потом открыл рюкзак и расстелил одеяло. Он откупорил бутылку, уже полупустую, поскольку, как я подозревала, стащил ее из родительского буфета, и сделал большой глоток, прежде чем передать ее мне.

Я отхлебнула слишком много, и красное вино потекло по подбородку. Я засмеялась, а Джон вытер капли пальцем. Когда он снова поцеловал меня, то был уже совершенно серьезен, и наши движения стали более настойчивыми. Заметив, как уверенно руки Джона справляются с пуговицами на моей блузке, как быстро он растянул свой ремень, я старалась не думать о словах Эмили. Вся эта возня была из-за меня, и я снова возненавидела Эмили, когда почувствовала смущение, испугавшись, что не понравлюсь Джону, из-за волнения покажусь незрелой, и ни один из нас не получит удовольствия.

И еще ненавидела ее за то, что она заставила меня думать об этом под другим углом – как о финишной черте, а не медленном наслаждении, о котором я мечтала. Мне лишь хотелось перешагнуть через некий рубеж, покончив с этим.

Джон целовал меня в шею, опускаясь ниже, в растянутый вырез блузки, и я потихоньку начала расслабляться. Я смотрела на покачивающиеся рядом сосновые ветви, вдыхала запах земли и решила, что Эмили не сможет это испортить. Я закрыла глаза и наконец-то ощутила удовольствие, гладя волосы Джона. Однако неожиданно ветви раздвинулись, пропустив полоску света.

– Черт! Джон, это опять тот мальчишка!

Я открыла глаза и, увидев прямо перед собой лицо Джона, поспешно запахла блузку, испытывая смесь злости, стыда, разочарования и желания.

Джон по-прежнему нависал надо мной, его ремень был растянут, но остальная одежда оставалась на нем. Я застегнула блузку, хотя все равно было очевидно, чем мы тут занимались. Саксон не шевелился, и это только нагоняло жуту. Почему он не убежал? Мальчик просто бесстрастно паялся на нас сквозь ветки, пока я надевала шерстяное пальто.

Когда Джон отвернулся и сердито застегнул ремень, я почувствовала под его привычным спокойствием настоящий кипящий котел ярости. Его плечи внезапно напряглись, он сжал зубы и встал так резко, что я испугалась, как бы он не сделал что-нибудь с Саксоном.

– Убирайся отсюда, Саксон! – рявкнула я полным тревоги и возмущения голосом.

Пусть он и выглядел жутковато, но все равно был просто мальчишкой.

Крик словно разрушил чары, и Саксон бросился бежать, но Джон погнался за ним. Я тут же поспешила следом, споткнулась об одеяло и, упав, разлила остатки вина.

Тут же быстро поднялась с исколотыми хвоей ладонями и внезапно услышала крик Саксона где-то в лесу.

Всего шагах в десяти от того места, где лежали мы с Джоном, лес резко заканчивался, уступая место лужайкам. Я не понимала, насколько близко мы находились к открытому пространству, и меня бросило в дрожь при мысли, что мы чуть не занялись сексом почти у всех на виду. В тот момент я возненавидела поместье Грейвсдаун. Извращенное, притягивающее место, которое я больше не хотела видеть. Я прижала руки к груди и натянула шерстяное пальто на шею, как будто пытаюсь исчезнуть. Вдруг я услышала плач Саксона и поспешила дальше, пока не увидела его лежащим на траве и нависшего над ним Джона.

– Что ты с ним сделал? – выкрикнула я, подбежав к Джону.

Он повернулся, подняв руки.

– Ничего, Фрэнни, клянусь, я просто хотел шугануть его, и он споткнулся!

Я посмотрела на Саксона, прижавшего колени к груди, на его щеках в лунном свете блески слезы. Одна штанина на коленке была порвана, и я увидела ссадину. Я протянула руку, чтобы помочь ему встать, и он схватился за нее. Я не особо ему сочувствовала, уж больно странным был мальчик, но, увидев его плачущим и с ободранной коленкой, вспомнила, что он всего лишь ребенок, который в таком возрасте должен заниматься чем-то более приятным. Например, обдирать коленки, лазая летом по деревьям с друзьями, а не бродить по лесу в поместье своего загадочного дяди.

Я подумала, как тяжело, должно быть, так рано потерять родителей и бабушку в автокатастрофе. Надеюсь, он не слышал деревенских сплетен.

– Пошли, – сказала я Саксону. – Мы проводим тебя до дома.

Саксон засопел и схватил меня за руку.

– Я с ним не пойду, – заявил он, с прищуром посмотрев на Джона. – Он меня толкнул!

– Это вранье, ты и сам прекрасно знаешь! – выплюнул в ответ Джон.

Я верила Джону, но мне все равно не хотелось выступать в роли арбитра. Я устала, и под поверхностью бурлили готовые вот-вот выплеснуться в любом направлении чувства – из-за того, что нам с Джоном помешали, из-за мерзких слов Эмили и даже из-за загадочного поведения Роуз в последнее время.

Я вздохнула.

– Ладно, идем, – сказала я Саксону. – Джон, я встречу с тобой и остальными, после того как провожу Саксона домой.

Джон взял меня под руку и оттащил от Саксона.

– Нет, Фрэнсис, – прошептал он, наклонившись к самому уху, чтобы нас не подслушали. – Я видел, как на тебя смотрел лорд Грейвсдаун. Все это дурно пахнет. И мне это не нравится.

– Я просто отведу его, – прошептала я в ответ. – В дом заходить не буду.

Тревога Джона опять сменилась злостью.

– Тогда я пойду за тобой.

Я не узнавала Джона и на секунду задумалась, а не толкнул ли он Саксона на самом деле.

Во мне вскипел гнев, переливаясь через край из-за всех странных происшествий этого вечера. Я посмотрела на Джона, по-настоящему посмотрела, и тут поняла, что Грейвсдауны – не единственные люди, ведущие себя странно.

– Ты этого не сделаешь, – предупредила я, стараясь сохранять тон ровным.

– Фрэнсис, я...

Я прервала его сердитым взглядом.

– Да что на тебя нашло? Те слова Эмили...

– Не позволяй ей на тебя влиять! Ты же знаешь, какая она.

Он шагнул ближе и мягко взял меня за руку. Саксон наблюдал за нами из-под ближайшего дерева, слезы в его сверкающих глазах внезапно высохли. Теперь он выглядел как мальчишка, который швыряется камнями в голубей ради развлечения.

Я на секунду закрыла глаза и медленно выдохнула. Наверное, я слишком чувствительна, со мной такое постоянно случается. Да что там говорить – я ведь верю в предсказания судьбы. Джон прав. Эмили слишком легко меня завела, потому что я ей позволила.

– Прости, я слишком тебя оберегаю, – произнес Джон, – но я тревожусь при мысли о том, что ты останешься наедине с кем-нибудь из них, с дядей или с племянником.

Я быстро поцеловала его и сказала:

– Все будет хорошо. Просто... ты должен верить, что я способна о себе позаботиться. Покажи это, подождав с остальными, хорошо? Не знаю, что происходит с Саксоном, но я устала и хочу удостовериться, что он заперт дома.

Джон задумался, почесав затылок.

– Джон, – сказала я, когда он так и не посмотрел на меня, – ты мне не отец!

Он наконец кивнул.

– Встретимся у развалин храма, вместе с остальными.

– Спасибо.

Я подошла к тому месту, где стоял Саксон.

– Давай побыстрее, – сказала я ему. – Уже холодно, и, если честно, я хочу домой.

Целую минуту мы шли молча, а Саксон Грейвсдаун не из тех, с кем приятно помолчать. А еще я чувствовала себя виноватой за те мгновения, когда Джон нависал надо мной, и злость из-за того, что мальчишка подсматривал.

– Нельзя шпионить за людьми, – наконец произнесла я, когда мы с Саксоном пересекали лужайку. – И что бы ты ни увидел, дети не должны...

– Ой, да я знаю все про пестики и тычинки, – бросил он. – Но окажу вам услугу. Я знаю, что вы считаете меня мерзким типом, но ваш дружок еще хуже.

– Что-что? – прошипела я.

– Он наверняка сказал, что идти со мной в дом опасно. На самом деле он просто не хотел, чтобы вы со мной разговаривали.

– Это просто смешно, – буркнула я.

Мы уже приближались к особняку со стороны черного входа, и по обеим сторонам от двери ярко светились витражные окна.

Саксон передернул плечами.

– Думайте что хотите. Я лишь пытаюсь помочь. – Он взялся за дверную ручку и обернулся через плечо: – Идемте, дядя Форд хочет с вами поговорить.

Глава 10

Когда я прихожу в себя, Крейна уже нет и доктор Овусу вручает мне бумажный стаканчик с холодной водой.

– Ну вот, выглядите чуть получше, – говорит она.

У нее теплый голос с легким намеком на западно-африканский акцент. Ей слегка за сорок, и, оглядываясь вокруг, я замечаю, насколько безупречен ее кабинет, со всеми необходимыми элементами комфорта, чтобы придать этому месту индивидуальности. Журналы, похоже, свежие, а полка с подержанными книгами и надписью «одну берете, а другую ставите» может похвастаться неплохими изданиями. Под аквариумом с золотыми рыбками, поблескивающими медью в свете с потолка, стоит коробка с детскими игрушками. Я внимательно наблюдаю за пузырьками воздушного фильтра, и это помогает избавиться от внезапно навалившейся усталости.

– Простите, – ослабевшим голосом говорю я. – Я верно расслышала, детектив сказал «болиголов»?

– Вы поправитесь, – заверяет доктор Овусу. – Похоже, вы дотронулись до болиголов, он был в букете, который вы принесли Роуэну для расследования, как он и сказал. Но от прикосновения к болиголову возникает лишь сыпь, и ее легко вылечить.

Я медленно киваю с облегчением. Я чувствую себя опустошенной. Так всегда бывает после панических атак – я пребываю в полном изнеможении. Наверное, надо найти хорошего психотерапевта.

Доктор Овусу втирает в мои ладони какую-то мазь из тюбика.

– Гидрокортизоновая мазь, – поясняет она, когда я смотрю на свои руки, прикусив губу.

– Я думала, болиголов очень ядовит. Ну, знаете, Сократ и все такое⁷.

– Это если его съесть. Или если он попадет в кровь. Но с вами все будет хорошо, вы только прикоснулись к нему. Летом это случается на удивление часто. Болиголов не так уж распространен, но встречается в окрестностях. – После паузы доктор Овусу добавляет: – И примите мои соболезнования по поводу кончины вашей тети.

Она слегка похлопывает меня по руке.

– Спасибо, – говорю и чувствую себя почти самозванкой, ведь я никогда не встречалась с тетей Фрэнсис.

Я не заслуживаю морщин тревоги на лбу доктора Овусу. Но за время пребывания в Касл-Нолле я кое-что выяснила о своей тете – а именно, что она пришла бы в ярость от того, что ее убили. Да и кто бы не разозлился? Но она была одержима собственным убийством, считая его неизбежным, и, мысленно снова и снова возвращаясь к этой головоломке, я как будто отдаю тете Фрэнсис дань уважения.

– Болиголов смертелен, когда попадет в кровь, – бормочу я. – А если сами иглы не были отравлены, просто кто-то воткнул их туда, чтобы тетя Фрэнсис порезала руки и болиголов попал ей в кровь? Но... неужели она не могла отличить болиголов от сныти?

– Вообще-то, возможно, и не могла, – отвечает доктор Овусу. – Она лишь занималась аранжировкой цветов, а не выращивала их и не собирала. Насколько я понимаю, садовники постоянно доставляли ей свежесрезанные цветы, и вряд ли кто-нибудь мог допустить, чтобы в Грейвсдауне росли сорняки. Хоть сныть, хоть болиголов.

⁷ Считается, что Сократа отравили бокалом вина, в которое были подмешаны соки ядовитых растений: болиголо́ва, аконита и ве́ха ядовитого. (Прим. ред.)

С минуту я молча размышляю. Доктор Овусу подозрительно много знает о том, как тетя Фрэнсис составляла букеты. Конечно, возможно, в таком маленьком городке об этом знают все. Но она настолько проницательна, словно читает мои мысли, и я даже не успеваю задать вопрос.

– Фрэнсис собирала букеты на похороны моего отца, – говорит доктор Овусу. – Она умела сопереживать, и разговор с ней о букетах на время отвлек меня от горя. – Женщина вздыхает. – Многие в деревне расскажут разные истории о странностях Фрэнсис, и... это другая ее сторона. У меня масса причин ее не любить, ведь она столько раз в панике вызывала меня по поводу очередной «попытки убийства».

– Я уже поняла, что это была одна из ее привычек. В полицейском участке женщина по имени Саманта много об этом говорила.

– Скажем так, Фрэнсис названивала всем, кто имеет отношение к преступлениям. Мне, полицейским, Магде и Джо из «Скорой»...

– Да, я с ними встречалась, когда...

Доктор Овусу кивает:

– Забавно, но благодаря Фрэнсис я сильно расширила свои знания о растительных и бытовых ядах. Не смотрите на меня так. – Она застенчиво улыбается. – Понимаю, как это звучит, но Фрэнсис звонила мне, испугавшись, что проглотила какую-то отраву, которую ей кто-то подсунул. Я потратила кучу времени, проверяя по ее просьбе различные симптомы – отравление свинцом, отравление отбеливателем, удобрениями и пестицидами. Однажды она решила, что в старое вино кто-то подлил дезинфицирующее средство для рук, но оказалось, что все дело в пробке. А как-то раз Фрэнсис подумала, что кто-то насыпал в еду крошечные литиевые батарейки, и я чуть окончательно не потеряла терпение. Но мы проверили все симптомы, которые бывают, если проглотить такую батарейку, отвезли ее в больницу, сделали рентген и выяснили, что у нее просто сильная изжога. Наверное, от стресса.

– Представляю, как это раздражало, – замечаю я.

– Не то слово, но я никогда не отказываю пациенту из-за подобного поведения. А то происшествие в итоге спасло жизнь моей племяннице. На следующий день я была у сестры дома, и ее годовалой дочери вдруг стало плохо. Не было никаких причин подозревать, что она проглотила литиевую батарейку, причем в таком случае остается очень мало времени, чтобы предпринять необходимые меры. Это очень быстро приводит к смерти. Возможно, лишь оттого, что я еще не выкинула из головы тревоги Фрэнсис, или просто сработало чутье, но мы немедленно отвезли девочку в больницу и спасли ей жизнь, потому что я настояла на проверке, не проглотила ли она батарейку. И выяснилось, что проглотила. Я не суеверна, но в тот день у меня в мозгу что-то щелкнуло. Я поняла, как напугана Фрэнсис и как у нее мало друзей. Самое меньшее, что я могла сделать, так это по-прежнему верить ей, пусть все остальные жители деревни и перешептывались у нее за спиной.

– Ого! – охаю я, уже не чувствуя себя такой усталой. – Я рада, что с вашей племянницей все в порядке.

Доктор Овусу выпрямляется, словно ее мысли витали в комнате и пришло время их приструнить.

– Я вижу, вы встревожены из-за этих растений, – говорит она. – Но прошу вас, доверьтесь Роуэну и мне, мы с этим разберемся. Я обещала Фрэнсис, что после ее смерти сама проведу вскрытие, причем безотлагательно.

– Какое странное обещание, – медленно произношу я. – Но, судя по вашим словам, она вам доверяла, а доверяла она мало кому.

– Понимаю, звучит странно, – признает доктор. – Но... – она умолкает, не желая продолжать.

– Она как раз внесла значительные изменения в завещание, и вдруг произошло *это*. Мне кажется, что-то тут нечисто, – говорю я.

Мне хочется доверять доктору Овусу, в особенности теперь, когда я знаю, что ей доверяла тетя Фрэнсис. Хотя это только со слов доктора Овусу. И все же мне она кажется искренней.

– Что ж, могу только сказать, что Фрэнсис настаивала – ее тело не должно попасть к коронеру. Конфликт интересов, так она говорила. И надо признать, я с ней согласна.

– А коронер – это Саксон, верно?

– Да, – тихо подтверждает она, не глядя на меня.

Доктор Овусу заканчивает втирать мазь и садится обратно на стул. Потом берет бинт и пластырь и перевязывает мою ладонь, закрывая всю сыпь.

– И когда у вас будут результаты вскрытия?

– Обычно это занимает несколько дней, – отвечает она после долгой паузы. – Нужно провести анализы в лаборатории при больнице, у меня нет необходимого оборудования. Но если в лаборатории нет других дел, возможно, результаты будут готовы уже завтра. И, прежде чем вы спросите, нет, я не могу их обсуждать. Пока не составлю отчет. И если обнаружу что-то не то... – Она многозначительно смотрит на меня. – То сразу сообщу об этом детективу Крейну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.